

Ева Ночь

НЯНЯ ПО КОНТРАКТУ

Ева Ночь

Няня по контракту

«Автор»

2022

Ева Ночь

Няня по контракту / Ева Ночь — «Автор», 2022

Я пришла на собеседование, чтобы получить работу своей мечты, а вместо этого вынужденно стала няней для сыновей босса. Два сорванца сведут меня с ума! Это, наверное, месть. Потому что мой босс – мой бывший парень, с которым мы расстались много лет назад. И вот судьба столкнула нас снова. Сумею ли я справиться с мальчишками и с чувствами, которые никуда не делись? Я должна, ведь от этого зависит вся моя дальнейшая жизнь!

© Ева Ночь, 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 7	21
Глава 8	23
Глава 9	26
Глава 10	29
Глава 11	32
Глава 12	34
Глава 13	37
Глава 14	40
Глава 15	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ева Ночь

Няня по контракту

Глава 1

Анна

Этот день должен был стать лучшим в моей жизни.

– У тебя всё есть: стиль, культура, выдержка, деловитость, – перечисляет мои достоинства сестра-двойняшка Ирка. – Главное – не облажайся!

Умеет она и приласкать, и уши надрать любя.

– Я постараюсь, – подмигиваю сестре. – Вот чувствую: начинается новая эра светлой полосы. Предварительное собеседование я прошла. Остались мелочи и формальности.

– И два кандидата-соперника, не забывай!

Забудешь тут. Но я не боюсь. Я опытнее, грамотнее креативнее. Характер у меня хороший, а выдержка – железная. Как говорится, закалённая жизнью. И я готова получить работу своей мечты.

– С Богом! – целует меня Ирка и прижимает к груди.

– Всё будет хорошо, – посылаю я ей ослепительную улыбку и смело перешагиваю через порог собственной квартиры.

Впереди меня ждала мечта. Большой и светлый офис, отдельный кабинетик за стеклом, красивый стол, навороченный компьютер и целый маркетинговый отдел, которым я собиралась не просто руководить, а вывести по продажам на уровень «бог».

Полчаса езды – и я на месте. Это тоже бонус: офис находится недалеко от моего дома. То, что нужно. Идеально. Остался суший пустяк.

Я посмотрела на часы и выдохнула: у меня в запасе целых пятнадцать минут. Глянула на себя в зеркальце, поправила макияж, взбила руками кудри, отстегнула ремень безопасности и вышла из машины на волю – уверенная, деловая, красивая.

Цок-цок – стучат каблучки. Качаются кудри в такт. Узкая юбка натягивается при каждом шаге. Я знаю, что выгляжу на миллион, и чувствую себя очень уверенно и прекрасно. До тех пор, пока не попадаю в офис. На семнадцатый этаж.

– На собеседование? – останавливает меня в коридоре какое-то лохматое недоразумение. Глаза навывкат, волосы в разные стороны, испарина на высоком лбу.

– Д-да, – заикаюсь я от неожиданности.

– Что же вы опаздываете, девушка! – рычит это нечто и хватает меня за руку. – Быстрее! Дмитрий Александрович ждёт!

Мне бы уже тогда понять, что это какое-то недоразумение, но всё происходит очень быстро, я сориентироваться не могу. В голове одна-единственная паническая мысль: как опаздываю?! У меня же ещё минут десять в запасе!

Она тянет меня за руку, как овцу на заклание. Цок-цок – стучат каблучки. Бам-бам! – бьётся в голове пульс. Слишком быстро, я ничего не соображаю, но на ходу пытаюсь притормозить, чтобы прояснить ситуацию. Какие-то охранные предохранители, наверное, не совсем сгорели.

– Постойте, какой Дмитрий Александрович? – бормочу, сдувая упавший на глаза непослушный локон. – Меня ждёт Леонида Сергеевна.

– Быстрее! – подстёгивает милое создание и для пущей убедительности дико вращает глазами: – Дмитрий Александрович САМ решил провести отбор!

Что за дикость такая? Я что, невеста для дракона, чтобы участвовать в каком-то отборе? Но пока я дезориентирована и пытаюсь сообразить, меня затягивают в приёмную. Сам генеральный директор?..

Не то, чтобы я не готова... просто не настроилась, потому что не привыкла к столь быстрой смене декораций. Вроде солидная компания, я получила чёткие инструкции, прошла предварительное собеседование... И я не опаздываю, не опаздываю! Я всегда очень пунктуальна, до тошноты даже!

Иванов Д.А. – читаю я на золотой табличке твёрдые строгие буквы. Внутри нечто начинает жёстко царапаться и рваться на волю. но это последнее, что я успеваю ощутить: шустрая девица вталкивает меня в кабинет генерального директора и сладким голосом поёт:

– Вот, Дмитрий Александрович! Та самая кандидатка!

Я застываю посреди ковра, не очень красиво расставив ноги. У девушки с паклями вместо волос воистину боксёрский удар: я чуть не рухнула носом в пол. Юбка натягивается до предела. Подозрительный треск ввергает меня в панику, и я изо всех сил пытаюсь соединить ноги.

Ну же, Аня, соберись! Деловая, спокойная, уверенная в себе, – даю себе мысленную оплеуху, проговаривая успокаивающую мантру, но сейчас она плохо помогает: волосы разметались, щёки горят, юбка, судя по всему, порвалась.

А потом становится не до того: я поднимаю глаза и... о, Боже...

Д.А. Иванов восседает за столом, как император. Идеальная причёска, отличный костюм, красивое мужественное лицо. Но я смотрю не на это. Я пялюсь на его губы. Те самые, по-особенному изогнутые.

Когда-то эти губы целовали меня. Я помню, помню сумасшедшие поцелуи, от которых замирало всё внутри, и мир переставал существовать. Совсем как сейчас.

Кажется, я дышу, как загнанная лошадь, а он на меня не смотрит. Может, это и к лучшему: эти несколько секунд – мой шанс прийти в себя. Взять себя в руки. И я делаю это: собираюсь, перестаю дышать, наконец-то ноги в кучу собираю и отбрасываю с глаз непослушные кудри.

И когда я готова, он поднимает глаза. Холодный взгляд пронзает насквозь. Большой Босс лениво рассматривает меня с головы до ног.

– У вас есть ровно три минуты, чтобы доказать, что вы идеально мне подходите, – сердце пускается в пляс и готово выскочить из груди от этого бархатного низкого голоса. Да, это он. Я не забыла. Он мне не привиделся. – Муть про образование нести не нужно. Интересуют только ваши личные качества. Время пошло!

Димка Иванов. Любовь всей моей жизни. Когда мы расстались, мне казалось, что жизнь закончилась. Однако я не умерла, выкарабкалась и теперь, спустя десять лет, стою перед ним «на ковре», а он сидит в кресле и диктует свои условия.

Иванов демонстративно поглядывает на часы. Не узнал меня? Ну, ладно. Личные качества так личные. Отступать я не собираюсь. Мне очень нужна эта работа, и никакая бывшая любовь на моём пути не встанет!

– У меня железные нервы, – перечисляю скрупулёзно и деловито. Здесь не только он умеет воду в лёд превращать, – я коммуникабельна, умею разруливать сложные ситуации и находить общий язык даже с теми, кто на контакт не идёт...

И только я собираюсь подобраться поближе к делу, рассказать о своих деловых качествах, как Иванов прерывает меня на полуслове.

– Принято! – хлопает он рукой по столу, будто судья – молотком. Кажется, в его голосе звучат триумф и злорадство. – Если вы хотя бы вполовину так хороши, как расписываете, я буду счастлив. Отныне место няни для моих сыновей – ваше!

Няни?!.. – таращу я глаза на этого самодовольного типа.

Нет-нет-нет! Это ошибка! Никакой няней я быть не собиралась! Я вообще детей боюсь!

А как же место руководителя отдела продаж? Моя заветная мечта? Я ведь так долго шла к ней!

В глазах у Иванова вызов и насмешка. Издевается.

А я, кажется, влипла по полной...

Глава 2

Дмитрий

Ноги у неё разъезжались, как у новорождённого жеребёнка, но узнал я её по непокорным кудрям, что живописно рассыпались по плечам. Цвет спелой пшеницы. Натуральная блондинка. Золотая девочка. Всё такая же, как и десять лет назад.

– Варикова, ты, что ли? – первое, что хотел спросить. Глазам своим я не доверял. А потом на меня накатило. Накрыло волной воспоминаний. За миг проскакали зигзагом и чуть череп не снесли фрагменты прошлого. Какого хрена она припёрлась?

В тот момент я даже мысли не допустил, что она не знала, куда шла.

И тогда я понял: вот он, мой звёздный час. Поиграть на нервах Анька пришла, чтобы меня лицезреть, или ей действительно так нужна работа, что она в няньки подалась, – не важно. Я возьму её, а потом отыграюсь. Отомщу.

И то, как я на неё реагировал, как бурлило у меня внутри, бесило неимоверно. Я готов был выпрыгнуть из кресла, вылезти из собственной шкуры, сигануть в окно – головой вниз. И это понимание пронзило, словно молния.

Жизнь была размерена и скучна, тянулась, как плохой фильм, зарастала паутиной будней, покрывалась плесенью. До тех пор, пока Варикова не влетела в мой кабинет.

– Здесь какая-то ошибка, – проблеяла Анька. В глазах у неё ужас и паника.

Сама ты ошибка. Стихийное бедствие. Головная боль и чертовка с рогами. Я смотрел на её рот, и всякие непотребства в голову лезли. Чего уж: представлял Варикову в разных позах, не совсем одетую. Я слишком хорошо помню, как она стонет в экстазе. Совершенно невероятная горячая штучка. И за это я сам на себя тоже злился. Мозг услужливо подсовывал мне неоспоримые факты: десять лет назад она меня бросила. Вильнула хвостом и ушла, не объяснившись.

И вот всплыла внезапно, как вражеская подводная лодка в степях моих воспоминаний, и я повелся, как пацан. Кстати о пацанах: если кто и способен отомстить за отца, так это мои сыновья. Вариковой понравится. Я уверен. Она оценит всю щедрость моей души и предложения, от которого невозможно отказаться.

– Какая ошибка? – холодно интересуюсь я. Слишком уж она струхнула, мне даже её жаль немного стало.

– Кажется, я не на то собеседование попала, – горестно вздыхает она и ломает свои божественно прекрасные брови.

– А на какое собеседование ты шла, Варикова? – спрашиваю, понимая, что сейчас она улизнёт. Махнёт хвостом – и только я её и видел.

Она замирает. Хватает ртом воздух. Пялится, словно у меня за секунду рога и копыта выросли, а сам я покрылся шерстью до пола. Она что, думала, я её не узнал? Вот чёрт. Знал бы её мысли, продолжил бы «выкать» и строить из себя жертву времени, у которой память отшибло напрочь. Как в плохих мелодрамах.

– Узнал? – всё же уточняет она, приобретая нормальный вид. Умеет она быстро себя в руки брать. Приятно это видеть.

– Тебя невозможно не узнать, Ань, – я не вздыхаю, не превращаюсь в нормального мужика. Всё так же замораживаю её – деревянный шарнирный босс. – Итак, какое собеседование? – поворачиваю русло нашей беседы в нужном мне направлении.

– Руководитель маркетингового отдела, – а Варикова вздыхает. – Собеседование на десять.

– А! – щёлкаю я пальцами, чувствуя одновременно злорадство и облегчение. – Так ты уже опоздала. А кто опоздал – тот не успел.

Смотрю ей прямо в глаза. Холодно. Расчётливо. Мне позарез нужна няня. И, чёрт побери, я хочу на это место Варикову! Её и никого другого. Самодур я или где?

Анна

Его слова подобны взрыву гранаты, у которой и чеку выдернуть не успели, а она всё равно бабахнула. Что значит опоздала?! И по своей ли вине? Я сюда не стремилась, между прочим!

– Произошла чудовищная ошибка, – зловеще цежу я слова, стараясь не заорать, не бегать по стенам и не грохнуть напольную вазу, что уныло стоит в углу и собирает пыль и паутину каким-то засохшим гербарием, что воткнут в неё сто миллионов лет назад. Эпическое уродство. Пылесборник. Ода дурному вкусу и неряхе-уборщице. – Твоя помощница или секретарша – понятия не имею, кто она, – насильно меня сюда впихнула.

Иванов приподнимает брови, на губах его блуждает улыбка.

– Критика принята. Васнецова получит выговор и лишится премии.

Я тут же остываю. Зачем так сурово-то? Тем более, что это не решит моей проблемы.

– Достаточно будет, чтобы меня всё же выслушали. Рассмотрели мою кандидатуру. Тебе ведь не всё равно, кто будет руководить отделом?

– И ты считаешь, что лучше тебя кандидатуры не найти? – наклоняет голову набок Иванов.

Мне бы уверенности побольше и наглости, но я мешкаю, и тогда...

– Давай поставим точки над «i», – произносит этот заносчивый сноб, поправляя запонки. – Тебе нужна работа?

– Д-да, – снова заикаюсь я. Столько стрессов... Дар речи потерять можно. – Но...

– Ты пришла на собеседование? – сверлит тяжёлым взглядом.

– Да, но... – пытаюсь ещё раз донести до него, что это ошибка и я попала к нему по недоразумению.

– Ты меня впечатлила своими деловыми и душевными качествами, няня номер восемь. У тебя есть шикарная возможность показать, какова ты в деле, а не на словах.

– Но мне нужно было быть на собеседовании на должность руководителя отдела продаж! – выкрикнула я в отчаянии. Он что, глухой?! Не слышит и не понимает?

– А мне нужна няня, – хлопнул он рукой по столу, одним движением разрушая все мои надежды и мечты. – Впрочем, я тебя не держу. Беги, спеши, пытайся. А когда у тебя ничего не получится, мы вернёмся к нашему разговору.

Я стискиваю зубы. Если б могла, я бы одним взглядом поджарила и кресло, и сидящего в нём Иванова.

Он меня плохо знает. Возьму – и пойду.

– Если я тебя так впечатлила, ты бы постарался исправить косяк своей подчинённой и заполучить меня. Не могу сказать, что я лучшая, хотя, возможно, это так и есть.

С этими словами я разворачиваюсь и ухожу. Стараюсь не очень сильно вдавливать каблучки в пол, иначе он поймёт, как я зла и какие бури во мне бушуют.

– Ань? – догоняет меня Димкин голос. Я притормаживаю, но не оборачиваюсь. У него совесть проснулась? – Сколько получает руководитель отдела продаж?

Я молчу. Дурацкий вопрос. Он директор компании. И прекрасно знает хотя бы приблизительные цифры. Это что, провокация? Проверка, насколько я в курсе дела? Так я в курсе, конечно же. Ведь я мечтала получить это место!

– Я дам больше. Подумай, – припечатывает он меня жёстко.

Да пошёл ты! Встряхиваю кудрями и выхожу из кабинета. Закрываю за собой дверь. Аккуратно. Это тренировка на стрессоустойчивость. Потому что больше всего на свете хочу грохнуть дверь так, чтобы она с петель слетела. Чтобы штукатурка посыпалась. Чтобы пол

в директорском кабинете провалился, а вместе с ним летел с семнадцатого этажа на первый Дмитрий Иванов. И это его я любила когда-то до потери пульса?

Глава 3

Анна

С Леонидой Сергеевной мы общались заочно – онлайн. Милая женщина за сорок с жёстким взглядом. На лбу у неё написано: умная. Наверное, поэтому одинокая. Я ещё тогда подумала: пройдёт лет десять, и я стану на неё похожа, если буду думать только о карьере. Отмахнулась от этой мысли, как от назойливой мухи.

Личная жизнь у меня не сложилась, поэтому всю свою страстную натуру я направила в другое русло. Я трудоголик. Это факт. А ещё карьеристка, да. Начинаящая.

– Вы опоздали, – срезала она меня на низком старте. К слову, юбка таки порвалась. Я представляю, как красиво я выглядела сзади. Иванов небось любовался и скалился. – Пунктуальность – важное качество руководителя. Вы провалили самый простой тест. Думаю, говорить нам не о чём.

Я блеяла и пыталась объяснить силу непредвиденных обстоятельств, но Леонида была непреклонна. В реале эта железная тётка выглядела ещё мужиковатее, чем по скайпу.

– Умение выйти из любой ситуации – ещё одно важное качество. Что значит вас затасили насильно? Васнецова – сублимное создание. Если бы вы были понастойчивее и потвёрже, то поставили бы её на место и прибыли на собеседование в срок. Или сразу же, как только поняли, что не туда попали, ушли бы из кабинета Дмитрия Александровича. Но вы растерялись. Потеряли драгоценное время. Поэтому – что ни случается, всё к лучшему. До свидания, госпожа Варикова. Мне очень жаль. Вы казались мне очень перспективной. Реальность, увы, доказала обратное.

Короче, меня вышвырнули с ноги. Я, конечно, подозреваю, что господин Иванов мог подсуетиться и позвонить этой нестигаемой бабе, но как-то не хотелось думать о нём совсем уж плохо.

Взгрустнулось. Женат. Дети. Няня вон нужна. Неужели он не понимает, что я не могу? И даже не потому, что это ниже моего достоинства, нет. Но находиться рядом с детьми, которых я стараюсь избегать и обходить стороной, выше моих возможностей. А рядом с его женой – и подавно. Не могу. На фиг.

Я вышла от Леониды, вздохнула и направилась к лифту. Провал не повод биться головой об стену. Не повезло здесь, повезёт где-нибудь ещё. Мне нужна работа, и я её найду. Есть пара вакансий, которые я не рассматривала всерьёз, потому что нацелилась на более перспективное и – что уж – высокооплачиваемое место. И вот – всё профукала из-за глазастой Васнецовой. Хотя, Леонида, наверное, всё же права: никто не виноват в моих косяках.

Я покидала здание офиса с горечью. Убитая, похожая на линялую тряпку. Плелась, еле переставляя ноги. Уже никакого «цок-цок» уверенного. Скорее, «чап-чап» унылое.

Я села в машину и замерла. Надо прийти в себя, собраться, перевернуть страницу и забыть. Подвернётся что-то получше. Я в свою счастливую звезду верю!

Я сдула с глаз кудряшку и положила руки на руль. Но мотор завести не успела. Дверь авто распахнулась, и господин Иванов, схватив меня за руку, выволок на свет божий, как нашкодившего ребёнка.

Я пискнула. От неожиданности.

– Надо поговорить, – заявил несостоявшийся босс и потянул меня за собой. Пёр как ледокол, а я, подпрыгивая, семенила сзади, чувствуя, как ногам становится свободнее.

Юбка мстительно продолжала расходиться по шву. Ещё несколько таких кульбитов – и я буду светить кружевным задом. Трусы у меня красивые, но как бы сейчас не то место, где б я хотела их демонстрировать.

Как там говорила Леонида? Нужно быть твёрже. Я поднатужилась и выдернула руку из ивановской ладони. Не скрою: это было нелегко, но в одном Леонида ошиблась: я умела и отпор давать, и защищаться, и настойчивой быть. Просто... она ж не знает, что Димка – мой бывший парень. И что я на губы его пиялилась – тоже. Я всё ж человек, женщина. А он... слишком хоррош был когда-то. Да он и сейчас – хоть куда, но уже не мой. Давно.

– Куда ты меня тянешь? – смерила его возмущённым взглядом.

Димка моргнул. Хлоп ресницами, и я теряю контроль. Засматриваюсь на него, забываю, что мы стоим посреди подземной парковки.

– Мороженого поесть. Ты ж всегда любила, Ань.

Мороженое. Да. Срочно охладиться. Глотнуть кусок не разжёвывая. Вместо таблетки АнтиИванов. Иначе случится пожар, и никакие пожарные не спасут – сгорю заживо.

– Пойдём, Варикова. Тут есть одно классное место. Как будто специально для тебя созданное.

Он протягивает руку, а я пячусь и обороняюсь вытянутыми ладонями.

– Без рук, пожалуйста.

Иванов плечами пожимает и делает шаг вперёд. Но больше он не прёт, разрезая кормой льды, а оглядывается, чтобы посмотреть, сдвинулась я с места или нет.

Глубокий вдох. Он не отвяжется – вижу по взгляду. О, я очень хорошо, оказывается, помню это его выражение лица. Упрямый чёрт. Подбородок выпятил, глазами буравит. А если я сейчас развернусь и побегу – догонит и сделает всё, как задумал.

Но мороженое – это хорошо. Поэтому я иду за Димкой, но уже независимо. Мне даже удаётся каблучками «цок-цок» делать. Главное – тылом не поворачиваться. Там юбка поздоровается с Ивановым прорехой. Помнится, ему нравились мои ноги. Сейчас они стали доступнее для обзора, нежели с утра.

Дима вывел меня к кафе – почти пряничному домику под весёлой оранжевой крышей с белыми стенами, разрисованными узорами-завитушками. Можно и внутрь не входить – я впечатлилась. Могла б, открыв рот, ходить вокруг, разглядывая фасад.

Внутри – ещё краше: воздушные занавески из нежно-жёлтой органзы с золотыми искрами, беленькие столики и стулья, весёлые, разрисованные чьей-то талантливой рукой, стены.

Пока я разглядываю помещение, Иванов делает заказ.

От запаха кофе я готова захлебнуться слюной. Кофе пахнет шоколадом и горчинкой. Как я люблю. Помнит?... Столько лет прошло. Но Димка всегда умел замечать мелочи и помнить никому ненужные детали.

Я делаю глоток, жмурюсь. На языке растекается очень правильный вкус. Затем запускаю ложку в розовый шарик мороженого. Есть ещё фисташковый и лимонный. Интересно, тоже помнит? Я люблю фисташковое, а шариков – три. И все с разными вкусами. Но фисташковое есть. Помнит или совпадение?..

– Вернёмся к нашему разговору, – о, да. Целеустремлённый Иванов. Глупо было подумать, что он повёл бывшую подружку в кафе просто так, по старой дружбе.

– Я не хочу быть няней, – говорю ему прямо, чтобы никак нельзя было по-другому трактовать мои слова. – Дети – это не моё. Я не педагог и вообще... ноль опыта. Так что прости: я шла получить совершенно другую должность.

– Но ты её не получила, – звучит это жестоко.

С губ рвутся обвинения, но я себя сдерживаю. Делаю вид, что мне пофиг. Лениво ковыляю в мороженом – вкусно невероятно. Я не успокоилась, но сделать вид, что остыла, – всегда пожалуйста. Потом у меня будет время грустить и вздыхать.

– Да. Бывают в жизни огорчения, – меланхолично киваю и стараюсь на Димку не смотреть. Не знаю, чего хочу больше – любоваться им или ложкой в лоб запустить. Зачерпнуть бы

вон того, лимонного совершенства, и припечатать ему между глаз. Может, не таким деловым станет. Или вазочку на идеальный костюм опрокинуть – пусть обтекает и ругается.

– Мне нужна няня, – включает заевший патефон Димка.

– Я это уже слышала, и ответ мой не изменился, вне зависимости, что тебе нужно, дорогой.

Я сказала это на автомате. Будто жена я ему, а он – мой муж, и мы ссоримся, пытаюсь достучаться друг до друга. Сказала и осеклась. Я не имею права...

Чего там я ещё не имею, додумать не успела.

– Двойной оклад руководителя отдела продаж, – выложил аргументы на стол Иванов.

Однако... – поперхнулась я мороженым, и великий Скрудж Макдак взвился внутри меня в ошеломительном прыжке. В том самом, когда доллары из глаз вылетают. Он что, так охренел или отчаялся?

Глава 4

Анна

– На кой я тебе, Дим? – всё же попыталась отвоевать собственную независимость. Рабство дышало в затылок. Вило лассо, чтобы, зааркавив, не оставить выбора.

– Мне. Нужна. Няня, – он, наверное, думает, что я плохо слышу или туго соображаю.

– Ну так найми. За такие деньги можно найти золотую няню, что будет в реверансах глубоких склоняться при твоём появлении и ноги тебе целовать подобострастно.

Димка хмыкнул. Видать представил, как я перед ним раскорячиваюсь. По глазам видно, о чём он думает, гад.

– Не помогает, – сообщает он злорадно, и в уголках его губ рождается хищная улыбка. Лучше не смотреть на его губы. У меня внутри всё сжимается и ёкает. – Я ж тебе уже сказал: ты восьмая.

– У тебя там что, отряд самоубийц засел в доме?

– Нет, – неожиданно обижается он, – всего два ребёнка. Спасуешь, Варикова, перед двумя пацанами?

– Ты меня на «слабо» не бери, Иванов, – огрызнулась я. – если я восьмая, значит дело пахнет керосином, а твои два ангелочка способны чёрта из ада выдернуть, рога повыкручивать, хвост подпалить и, пятак на задницу натянув, сказать, что так и было.

– Мне уже нравится ход твоих мыслей, – сладко вздохнул он. – Восьмая!

Звучало это так, словно я его восьмая жена в гареме.

– Оговорочка! – сердито буркнула я и с тоской посмотрела на подтаявшее мороженое. Самое время испортить идеальный костюм, если этот гад не перестанет надо мной издеваться.

– По Фрейду, – охотно подхватывает Димка и добавляет: – Значит так, Варикова, ты место руководителя ещё хочешь?

Я сделала стойку. Я хотела, конечно. Кто ж так легко отказывается от мечты? Только не я.

– Для этого нужно ограбить банк, поезд на скаку остановить, заняться промышленным шпионажем, взорвать вселенную и найти лекарство от рака?

– Нет. Всего лишь побыть няней для моих сыновей.

– Какая жалость! – отодвинула я от себя креманку подальше, чтобы не натворить бед. – А я-то думала, готовилась к подвигам, шею вымыла... Прости, Иванов, мой ответ не изменился. Я не могу быть няней. Это не моё, прости.

Я встаю и должна бы гордо удалиться в туман, в рассвет, вообще отсюда подальше. Бежать от Иванова, сверкая пятками. Потому что... у меня появилось искушение быть к нему поближе. Это необъяснимо, но факт: спустя десять лет я вдруг поняла, что ничего во мне не перегорело.

Я не стала равнодушной. Мне не всё равно, что он рядом. Так близко – руку протяни – и коснусь его груди. И то, что мне хотелось это сделать, пугало. Вгоняло в тоску.

А ещё я не могла повернуться гордо к нему задом. Юбка. Я представила, как выгляжу со спины и начала позорно пятиться.

Мда. Гордо хлопнула дверью и ушла – не тот сейчас вариант. А гордо пятиться у меня не получалось, хоть ты тресни.

Дмитрий

Вот чёрт. Просто маза фака и всё. Мне никак не удавалось её продавить, зацепить, сыграть на нервах или тонком девичьем.

Пуленепробиваемая Анька. Знакомо. А чего я хотел? Реки высыхают, меняют русло, а Варикова остаётся той же. Это всегда мне нравилось, заводило. Да что там – нравится. Никакого прошедшего времени!

Я тоже. Осёл ещё тот. Упрусь – не сдвинешь. И когда она начала удаляться от меня передом (а я даже знаю почему! Видел её прекрасный тыл, любовался, лицезрел, когда она из кабинета выходила), поймал её на излёте:

– Три месяца, Ань. И если справишься с должностью няни, кресло руководителя – твоё. Она останавливается. Смотрит на меня насмешливо, бровями дёргает.

– Ключевое слово в твоём предложении – «если». А если нет, то катись. А если я захочу, то найду повод, к чему придраться, и всё равно катись. Главное морковкой перед носом помахать, правда, Иванов?

Если кто и умел меня из равновесия выбивать, так это Варикова.

– Кажется, я никогда не давал повода сомневаться в силе своего слова, – я сейчас, наверное, мрачнее тучи.

У Аньки глаза становятся печальные-печальные. Мда. Осечка. Одно слово я так и не сдержал – жениться на ней. Но моя ли в том вина? Кто ей доктор? Умчалась в небытие, будто под хвостом ей наскипидарили. И ведь без объяснений! Кстати, не мешало бы это тёмное пятно в наших отношениях всё же прояснить. Но не сейчас.

Я вдруг понял, что на нас смотрят. С интересом. Мы притягиваем ненужные взгляды. Люди ждут крови и зрелищ – всё в этом мире предсказуемо.

– Пойдём отсюда, – кидаю купюру на стол и вскакиваю. Хватаю её за руку. – И хватит уже отступать. Успокойся: да, у тебя порвалась юбка, но что я там не видел?

Она пунцовеет, задыхается, смотрит на меня злым возмущённым взглядом. Так-то лучше.

– Ты... да как ты смеешь! – шипит, пытаясь вырвать руку, но я держу её крепко. Не вырвешься, Варикова. Не тот случай. Я не дам. И пока она не очухалась, тяну её назад, на парковку, к своему автомобилю. Запихиваю её и дверью хлопаю так, что у самого уши закладывают.

Пока я обегаю и сажусь на водительское место, она безуспешно пытается открыть дверцу. Ага. Разбежалась. Там всё надёжно: заклинило, как всегда. И я поблагодарил бога, что так и не отпёр машину в ремонт. Это меня и спасло от стремительного бегства Анны Вариковой из моего авто и жизни.

Собственно, судьба – дама капризная и коварная. Настало время прояснить некоторые моменты и отношения выяснить. Но не сейчас, конечно же. Дело – прежде всего. И я срываюсь с места так, будто за нами гонится целый кортеж головорезов.

Бонни и Клайд. Погоня со спецэффектами.

– Останови машину! – требует Анька.

Ага, милая. Только и ждал, что ты будешь мной командовать. Смотри, не обожгись! Я взрываоопасен, между прочим, сейчас. И если остановлюсь, конец твоей юбке. А я всё испорчу. Всё, что ещё у нас осталось. А ведь осталось, чёрт меня подери!

Глава 5

Анна

Я понимала, что всё бесполезно. Достаточно глянуть на его профиль: взгляд устремлён в светлое будущее, челюсти стиснуты, руки сжимают руль уверенно, но пальцы напряжены так, словно Иванов собрался воевать со всем миром. К сожалению, «весь мир» сузился до одной меня.

Я всё же попыталась брыкаться. Однако покидать машину, что мчится на всех парусах, – безумство, а я ещё с головой дружу. Поэтому притихла и расслабилась, насколько это было возможно. Что за день такой полосато-чудовищный сегодня?

– Ну, и что всё это значит, Иванов?

– Я тебя похитил, – заявляет он мрачно.

– Поздравляю. Тебя посадят. И дети твои останутся без отца.

– Сиротами, значит.

– Ну, у них есть мать, – возражаю я. – А если есть мать, значит порядок. Обычно наличие отца – явление номинальное.

Философия так себе, но надо же о чём-то беседовать, пока меня похищают. За разговор о матери его сыновей я готова себе язык по самые колени откусить.

– Вот, значит, как ты рассуждаешь об институте брака и о роли отца в семье, – злится Иванов и закладывает вираж.

– Ты полегче на поворотах, а то они тебя преждевременно потеряют. Отец в тюрьме – всё же живой отец.

– Да, ты права, – едет он чуть тише. – Тем более, что у моих детей матери нет. Как нет?! Я смотрю на Димку во все глаза.

– Прости, – выдавливаю из себя, покрываясь холодным потом. Как-то я об этом не подумала. И всё совершенно в другом свете мне видится.

Димка кивает, принимая извинения, но всю оставшуюся дорогу мы молчим. Он машину ведёт, а я перевариваю его слова. Кручу так и эдак. Даже во времени потерялась. И когда машина плавно притормаживает, испуганно смотрю на Иванова.

– Мы приехали, – говорит он мягко. – Пойдём.

Не знаю, что мною тогда руководило. Наверное, я не отошла от шока. И расспросить хотелось, и язык онемел. Как о таком спрашивать-то?! Поэтому я сразу и не поняла, куда он меня ведёт, хотя по логике жанра должна была догадаться.

Элитная высотка. Охрана на въезде. Консьержка в подъезде, которой Димка кивает, как хорошей знакомой.

– Вы вернулись, Дмитрий Александрович? – вопрошает старушка, похожая на сову. Она маленькая и вся какая-то кругленькая: щёчки, фигура, очки на пол-лица с бифокальными линзами. Фигура у неё тоже на шар похожа, но старушка уютная какая-то, домашняя, как плюшевая игрушка. Волосы у неё кокетливо-фиолетово-синие – пушистое облачко круглой формы. Я смотрю на неё во все глаза.

– Да, Фрида Оскаровна, няню привёз.

– Дай-то Бог, – всплескивает она пухлыми ручками и рассматривает меня внимательно.

Мне бы сказать, что это неправда, но у меня язык к нёбу прирос. А пока я пытаюсь рот открыть, Иванов меня в лифт запихивает.

– Я не могу, – разлепляю я губы, когда мы уже приехали. Кажется, последний этаж. Но я не уверена: вообще плохо соображаю.

Димка ничего не говорит, открывает дверь своим ключом. У него прихожая, как половина моей квартиры. А когда-то мы были просто студентами. Простыми, но счастливыми.

Зачем я об этом вспоминаю – не знаю. Где-то там слышны голоса. Низкий женский и детские.

– Дети, я дома! – выдаёт Димка, и я слышу топот детских ног. Хочется прикрыть глаза и не видеть их. Они могли бы быть моими, если бы... Нет, лучше об этом не думать. Они – сыновья Димы Иванова.

– Папа вернулся! – звонко радуется младший. Светленький, голубоглазый, хорошенький, как картинка. У него наивный распахнутый взгляд, и мальчишка совсем не похож на отца. Видимо, в мать пошёл.

Он замирает, немного не добежав до Иванова. Останавливается, будто кто перед ним стену нарисовал. Смотрит на меня внимательно. А пока он таращится, подоспевает старший. Вот этот – точно Иванов, Димкина копия. Те же тёмные волосы, взгляд суровый, брови нахмурены и губы той самой, особенной формы.

Старший не бежал, шёл, пытаюсь, наверное, понять, что заставило отца вернуться.

Следом за детьми топала и тяжело дышала дама необъятных размеров. Шкаф ростом с Иванова. Вначале грудь и живот появились, а потом уж и она сама.

– Вот что, Дмитрий Александрович! – пробасила она, как испытый матрос, – с меня хватит! Я у вас кухарка, а не домработница или нянька! Я уже пожилая, у меня нервы ни к чёрту!

– Ну какая же вы пожилая, Дина Григорьевна? – польстил даме Иванов. – Вы ещё хоть куда, правда.

– Не морочьте мне голову, а? – колыхала необъятной грудью и тройным подбородком тётка. Щеки у неё – цвета хорошего бордо. Два таких отличных лоскута. Хоть прикуривай, как говорит мой папа. – Больше не могу, так и знайте! Поищите какую другую дурочку!

А потом она замечает меня. Делает стойку, как гончая, затыкается и повисает в воздухе пауза. Младший – во все глаза. Старший – хмуро. Дама Дина Григорьевна расплывается в сладко-приторной улыбке.

– Ой, ну я пойду, ладно? – пытается протиснуться бочком мимо детишек. – А то у меня дел неуворот. Если что, обед и ужин я приготовила. Приятного вам дня, Дмитрий Александрович! – частит она, не спуская с меня жадных пороссячьих глаз.

– Идите, Дина Григорьевна, отдохните, – провожает её взглядом Иванов.

Тётка, видимо, только и ждала сигнала от хозяина: рванула к входной двери так, будто за ней гналась рота солдат и обещала изнасиловать. При её габаритах проворность удивляла и восхищала. Я бы ей похлопала, если б не вся эта идиотская ситуация в целом.

– Ну наконец-то, – ворчливо выдал старший сын и скрестил руки на груди. – Пап, не оставляй нас с ней! Все комнаты корвалолом провоняла!

Димка и ухом не повёл на ябеды старшего.

– Знакомься, Ань. Михаил и Роман – мои сыновья. Миша – старший, Рома – меньший.

Я неуверенно растянула губы в улыбке. Мне бы тоже корвалолчика накапать с рюмку. А лучше – коньячку. стакан.

Младший вдруг сделал маленький шагок навстречу, заглянул мне в глаза своими распахнутыми озёрами и тихо спросил:

– Ты будешь нашей мамой, да?

Я открыла рот в ужасе. В горле у меня забулькало, но что-то членораздельное я произнести не смогла.

Я видела, как гаснут его глаза. Как понуро мальчишка опускает голову.

– Всё ясно, – вздохнул ребёнок и встал рядом со старшим братом.

– Аня... Анна Валентиновна будет вашей няней, – донёсся откуда-то издалека до меня голос Димки.

Нет! Я не соглашалась! Не хочу! – вопило всё у меня внутри, но жёсткая ладонь Иванова сжала мою руку так, что я ещё раз булькнула и заткнулась.

И я вдруг поняла: буду. И не потому, что этот диктатор и тиран решил всё за меня. Мне стало просто жаль Ромашку. Такой нежный ребёнок. Ангелочек просто. Растёт без матери...

О том, что Дина Григорьевна квартиру корвалолом провоняла, видимо, не зря, в тот момент я не думала.

Глава 6

Дмитрий

– Брысь в свою комнату! – нарычал я на сыновей и лицо посуровее соорудил. Ромка воспринял всё буквально, как всегда, Миша только бровью дёрнул, но спорить не посмел. Не тот сейчас случай.

– Опять на нашу голову! – не удержался он от комментария, но я не успел ни подзатыльник ему отвесить, ни приструнить: мальчишки испарились.

Варикова стояла, как памятник погибшему солдату – скорбная и какая-то потерянная.

– Прошу! – пригласил я её в большую комнату, надеясь, что там всё в порядке. В другие места соваться побоялся: там мальчишки могли начудить, а я бы не хотел Аньку заранее спугнуть.

Анька рухнула на диван, а затем с воплем подскочила и с ужасом посмотрела на свои ноги. Точнее, колготы. Ну, да. Стрелы пошли. Так и должно быть, потому что из-под дивана шипел, скаля клыки, Фиксик – чёртов помоечный кот, которого мальчишки приволокли домой с неделю назад. Он, видать, по Анькиным колготам когтями прошёлся.

– Это всего лишь кот, – попытался я Аньку успокоить, но она назад садиться не захотела, стояла, стараясь не поворачиваться ко мне спиной. Далась ей эта дурацкая юбка. – Брысь! – шуганул я кота, как сыновей.

Кот оскорблённо взвыл и выскочил пулей из комнаты.

– Садись, Ань, пожалуйста.

На диван он больше не приземлилась, а прошествовала боком к столу и, отодвинув стул с кривыми ножками, села, выпрямив спину. Мне пришлось прошествовать за ней.

– Итак, – сказала она деловым голосом. – Возвращаемся к нашим баранам. То есть условиям договора. Двойной оклад руководителя отдела продаж, – загибала она с наслаждением пальчики, – три месяца испытательного срока. И если я справлюсь с поставленной задачей, то ты всё же даёшь мне шанс возглавить отдел. Всё верно?

Я кивнул. Однако... Сложно принять Аньку такой. В восемнадцать она была попроще и... душевнее, что ли. Но что сейчас сравнивать? У меня будет время к ней присмотреться.

– Я хочу письменный договор, – вот это хватка! Я даже восхитился б ею, если б она не вела себя сейчас как андроид из будущего. – И круг своих обязанностей, естественно. Насколько я понимаю, няня нужна для младшего. Старший у тебя школьник?

Хороший глазомер, хм. Я сейчас даже задумался, не профукал ли я ценнейший кадр...

– Да, но сейчас лето. Каникулы. Поэтому нам нужна няня.

– И почему бы меньшему в детский сад не ходить? – задаёт она резонный вопрос.

– Я подумаю об этом, – говорю честно. Мне сейчас сложно объяснить все наши семейные трагедии и проблемы. Постепенно, чтобы Аньку не напугать.

– В общем, контракт, Дмитрий Александрович, где всё пропишется от и до, включая мои обязанности.

– На это нужно время, – пытаюсь выкрутиться я, – а няня мне нужна сейчас. Ты мне не веришь, Ань?

– Деловые отношения должны основываться не только на личных предпочтениях. И даже желательно, чтобы поменьше всех этих «доверяю», а побольше конкретики и прописанных по пунктам обязанностей. Это всё равно что пить и слушать самый идиотский в мире вопрос: «Ты меня уважаешь?!»

Она тараторила как по писаному. Нет, я Анькой всё же восхищаюсь.

– И ещё один вопрос. Только ответь честно, Дим.

– Конечно, – обещаю я ей, ломая голову, что же она спросит. Моя шарада. Не разгадать, не предвидеть. Ртуть, а не женщина. Гибкий каучук. Текучая магма.

– Это ты Леониду настроил против меня?

Я фыркнул и закатил глаза. Вот точно не ожидал, что она об этом спросит.

– Нет, – улыбнулся я ей во всю ширь. – Я мог, безусловно. Но Леонида Сергеевна такой ценный кадр, что её не подкупишь – раз, сложно надавить – два. Если бы ты успела на собеседование и если б ты ей приглянулась, я б её не сломал. Не тот человек, понимаешь? А так я точно знал: у неё пунктик. Леонида Сергеевна люто ненавидит опозднунов. Поэтому у тебя не было шанса.

– А как же тогда наша договорённость? – вскидывает она на меня глаза.

Я вздыхаю. Недоверчивая.

– Ну, все же я руковожу компанией, а не Леонида Сергеевна. И это она в моём подчинении, а не я у неё на побегушках. И это я нашёл восьмую няню, а не она. Все остальные её кандидаты провалились, – подмигнул я Вариковой. – И у моей няни есть все шансы с достоинством выдержать испытательный срок, потому что мотивация – страшная штука. У всех остальных, кроме денег, стимула остаться на этом месте не было.

Анька смотрит на меня скептически.

– Это деньги – страшная сила, Иванов. А значит либо ты им мало платил, либо непреодолимые обстоятельства заставили их отказаться от доходного места.

Умная. Какая же она умная! Просто атас, а не Анька!

– Скажем так: не все убегают отсюда, как Дина Григорьевна. Я их уволил сам. По разным причинам. Но главная из них – они не справились. Не показали свои профессиональные качества в том объёме, который мне требовался. И да, два оклада руководителя маркетингового отдела я ещё никому не предлагал. Ну так что, по рукам? Приступишь к обязанностям завтра. Переспишь, обдумаешь всё хорошенько. А мы тем временем контракт составим с юристами. Как положено. Со всеми твоими пожеланиями.

– А как же сегодня? – Анька сглотнула и повела головой в сторону двери. – Ты же не оставишь их одних дома?

– Сегодня – три часа. Тебе, чтобы познакомиться, привыкнуть, адаптироваться. А то, может, передумаешь, спасуешь. И не нужно будет никому голову над контрактом ломать. А потом я тебя подменю.

У Аньки лицо несчастное. Она колеблется. А я дух затаил и жду. Ну не может она отказаться!

– Время к обеду. Детей нужно покормить. Рома днём спит. Миша себя и сам способен занять, пока ты его уложишь. А там и я подспею. Твоя главная задача – дети. Уборкой, стиркой, готовкой заниматься не нужно. Завтра получишь все инструкции. Расписание. Мальчики посещают секции. Будешь возить, забирать. Ничего сложного.

Я уговаривал её и чувствовал себя змеем-искусителем. Решится ли она, как Ева, вкусить грешный плод?

Анька снова нервно повела головой.

– Не дёргайся, – попросил я её задушевно. – Они всего лишь дети. Очень даже нормальные. Живые и непосредственные.

– Ты ничего не слышишь? – снова дёрнула она головой, не шибко прислушиваясь к моим словам.

– Нет. А что?

– Слишком тихо. А когда тихо – жди беды.

Параноичка. Видимо, Дина Григорьевна на неё впечатление произвела неизгладимое своими воплями и побегом. Я улыбнулся и уже собрался съязвить, когда Анька задумчиво изрекла:

– И вода шумит...

Она сорвалась с места, забыв о своей разорванной юбке. Я полюбовался на её красивый задик, вздохнул, потому что колготы, разодранные котом, портили вид, и рванул за Анькой вслед. Что она ещё там придумала?

– А-а-а-а! – кричала Варикова, шлёпая ногами. Как мило.

Но умилиться я не успел, потому что внезапно понял: она не просто шлёпает. У неё под ногами вода хлюпает!

Глава 7

Анна

У них же последний этаж! А под ними люди живут! А там небось ремонты на тысячи евро – вот о чём я думала, когда ноги мои коснулись холодной воды, что растекалась по коридору и, кажется, прибывала.

– А-а-а-а! – заорала я, потому что ногам стало и мокро, и холодно. А я мерзлячка, между прочим, склонная к простудам!

Ванная – прямо по курсу, там уже слышна возня и мальчишечьи голоса. Испуганный Медведь попытался своей футболкой кран накрыть, как будто это могло спасти от стихийного бедствия. Растерянный Ромашка крутился у него под ногами и хлюпал носом.

– Уйди! А то опять заболеешь! – отмахивался от него старший, но Ромка не сдавался, хоть и толку от него было мало.

Две пары глаз уставились на меня с испугом, потому что я влетела в ванную, как ненормальная.

– Что здесь происходит? – рычит где-то позади Иванов. Только его здесь не хватало!

Я подхватила Ромашку и сунула сына в руки горе-папаше, а сама поднырнула под раковину и перекрыла вентиль.

– Перестало, – облегчённо вздохнул Медведь и провёл мокрой рукой по лицу. Волосы у него от этого жеста встали торчком. Голая грудь покрылась пупырышками. Да, холодно! Я согласна!

Я сдёрнула полотенце с держателя и укутала мальчишку. Иванов всё так же торчал в проходе, как больной зуб.

– Ну, и что стоим, чего ждём? – рыкнула я на него и сдёрнула второе полотенце. – Ты ребёнка заморозишь, давай, надо раздеть и вытереть детей!

– Вот ещё! – трясся Медведь. – Не дам штаны снимать! – и зыркал на меня тяжёлым взглядом, который кого-то мне напоминал.

– Тогда бегом в комнату, снимай свои драгоценные штаны сам. Быстренько, – хлопнула в ладоши, придавая мальчишке ускорения.

– Пап, мы не хоте-е-ели, – рыдал Ромка, цепляясь за шею Иванова, как обезьянка, руками, а ногами – за его идеально-прекрасный костюм.

«Всё же испортили», – удовлетворённо подумала я. То, что не сделало мороженое, сделал меньший отпрыск. Отомстил за меня, пусть и невольно. Бойтесь желаний! Иногда они сбываются самым необычным способом!

– Мы только кораблик хотели пустить в ванной, а оно как брызнуло! – истошно рыдал малыш. Вот как его ругать можно? Никак.

Иванов прижимал к себе сына и смотрел на меня. А я, плюнув на всё, задрала повыше юбку и попыталась собрать воду с пола. Каким-то ещё одним полотенцем. Думаю, Иванов меня простит.

– Я сейчас, – у Димки взгляд стеклянный. И пялится он на мои ноги.

– Давай, давай! – подстегнула я его. – Займись детьми, пожалуйста!

Иванов наконец-то ушёл, а дальше я мозг отключила: собирала воду, выливала, в ванной заглушку выдернула – полную ж набрали, стервецы. Видимо, тут не только кран, съехавший с катушек, поработал, а и старшенький Медведь постарался – в ванную нырнул, пытаясь кран собой заткнуть. Вот нельзя было море сделать тёплым? Обязательно было устраивать Северный Ледовитый океан? Или экстрим – наше всё?

Вскоре ко мне присоединился Иванов. Вдвоём у нас дело пошло быстрее.

– Я их переодел и укутал в одеяла, – доложилась он мне, деловито выкручивая тряпку в ведро. Пиджак Димка скинул, рукава рубашки закатал. Выглядел умопомрачительно, а воду собирал так, словно ничем другим в своей жизни и не занимался.

Под конец я выдохлась и уселась задницей на сырой пол. Плевать. Всё равно юбка порвана, колготы – тоже. Как в таком виде домой добираться я ещё не придумала, но служба такси, подозреваю, и не таких красивых, как я, по нужному адресу доставляла.

Зато мне стало жарко. Ещё бы. Гимнастические упражнения с тряпкой – и никакого фитнеса не нужно. Димка приземлился рядом со мной. Дышали мы как после бурного секса. И вспотели похоже.

– Подожди, ещё соседи примчатся, – кинула я, – мы их точно затопили.

О, нет. Нет-нет-нет! Почему я сказала «мы»? Ведь это его дети натворили бед, я тут вообще ни при чём. Так, рядом оказалась. Случайно.

– Ты молодец, Ань, – похвалил меня Иванов, пропустив мимо ушей соседей. – Ставлю тебе плюс. Умение найти решение в критической ситуации – это просто сказка. Откуда у тебя такие навыки? Удивительно: девушка знает, где воду перекрывать. Признаюсь, я не сразу сообразил. А ты молодец, справилась.

– Забудь чушь, над которой потешаются в анекдотах. Блондинки тоже умом не обделены.

– Я и не вспоминал, – кинул он на меня косой взгляд.

– Как на счёт премий? – включила я стерву с калькулятором вместо мозгов. – Оклад – окладом, но за такие форс-мажоры даже сладкое положено. И молоко за вредность на производстве. Чую, твои милые мальчики ещё и не на такое способны.

– Они не специально, – заступился за сыновей Иванов.

– Конечно, не специально, – вздохнула я. – Хватит расслаиваться. Вызови слесаря, кран чинить нужно. И мне бы домой. Переодеться.

– Нет, – отрезал Димка, поднимаясь. – Сейчас что-то сообразим.

От его наглости у меня дух перехватило, но он подал мне руку и сказал, проникновенно заглядывая в глаза:

– Мне вернуться надо. Очень. А мальчишек, правда, не на кого. Три часа, Ань. Пожалуйста. Обычно у них перерыв между катаклизмами.

Он сейчас уйдёт и бросит меня в клетке с тиграми. От осознания, куда я вляпалась, на затылке волосы зашевелились.

Ну почему я такая дура-то? Зачем мне этот контракт, деньги, Иванов и его сыновья? Мало мне в своей жизни всяких волнений? И какая из меня няня? Я, блин, совсем не Мери Поппинс. У меня даже зонтика нет, чтобы улететь, когда переменится ветер! Я б сейчас рванула босиком, в рваной юбке и колготах отсюда, будь моя воля!

Но Иванов стоял надо мной с протянутой ладонью, смотрел пристально. Я не могла сломаться у него на глазах. Молча приняла помощь, поднялась с пола. Димка обеспокоенно посмотрел на часы.

– Чёрт, – прошёлся пятернёй по волосам, от чего те встали торчком, совсем как у старшенького недавно. – Ускоряемся!

Он скрылся где-то в недрах квартиры, а я так и осталась стоять посреди коридора – мокрая, несчастная, растерянная. Что я натворила? На что подписалась? Я грызла себя, не щадя самолюбия и не скупясь на эпитеты в свой адрес. Это всё Иванов. У меня крыша от него едет. Вообще становлюсь безмозглой, как курица.

Пока я поедом себя ела, он вернулся. Уже в другом костюме, весь такой великолепный, хоть ярлык на него вешай и любуйся.

– Раздевайся! – приказал этот обломок диктатора из неизвестного королевства, и я пошла пятнами. Что значит раздевайся?! Он за кого меня принимает?!

Глава 8

Дмитрий

Анька вскинулась, как фурия. Что я такого-то сказал-то? И только потом дошло. Ну, положи руку на сердце, я б её раздел, да. И не только. Нестерпимо хотелось проверить, так ли это прекрасно было, как я помню.

Мешали три нюанса: во-первых, я опаздывал, во-вторых, дети дома и не спят беспробудным сном, в-третьих, я понимал: Аня не такая, и после десяти лет разлуки вряд ли сразу в лапы мои даётся.

И почему-то я глухо затосковал: может, у неё есть кто? А я тут... почти губу раскатал? И сразу же в башке флажок всплыл пиратский – с черепом и костями наперевес: отобью, отвоюю, верну себе. По крайней мере, попытаюсь.

Столько воды утекло... Она, может, и не вспоминала обо мне. Сбежала же тогда? Были причины? Я не настолько хорош. Она... на что-то обиделась. Я упрямо не хотел думать, что у неё появился тогда другой. Не такая Анька. Не сбежала бы. Сказала правду. Значит... что-то было, чего я не знаю. И, наверное, сейчас я бы хотел знать. Или нет.

Может, не нужно ворошить прошлое? Я пока не определился.

– Переоденься, – кинул я ей свой халат, что держал в руке. – Сними всё, ты мокрая, не хватало, чтобы заболела.

Я помнил: она всегда мёрзла, и если заболела, то круто. Валилась просто и всё. Я очень многое, оказывается, о ней помню.

– И лишнего не выдумывай, восьмая няня, – постарался как можно больше пренебрежения в голос добавить, ненавидя сам себя за это.

Она молча скрылась в той же ванной, откуда недавно выгребала воду. Вышла вся такая домашняя, с голыми ногами, поджимая пальчики. Кудряшки вились и падали ей на лоб. Рукава висели, как у грустного Пьеро. Неженка моя.

Я даже не понял, что люблю её. Еле челюсть подобрал.

– Ты куда-то спешил? – приподняла Анька свою сногшибательную бровь, выдёргивая меня из созерцания.

– Ах, да. Чёрт, – заторопился я, но прежде чем уйти, принёс ей почти в зубах тапочки. Свои. Большие. Но других пока в доме не водилось, пусть уж прощает. – Детей покормить, Ромку – спать, – напомнил я ей, прежде чем испариться. – Телефон! – потребовал почти на выходе. Аня молча протянула гаджет, куда я с наслаждением вбил свой номер. – Если что, звони! А со слесарем я разберусь, когда вернусь.

Для верности запер дверь на все три замка, чтобы точно не сбежала.

Передо мной маячила важная встреча, на которую я уже опаздывал. Да, нелёгкое это дело – быть отцом!

Анна

Он ушёл, а я осталась. В халате не по росту и в тапочках сорок пятого размера. Вдохнула, выдохнула, зажмурилась. Ещё раз подышала туда-сюда-обратно, затем завернула рукава, чтобы не мешали, и решительно направилась в детскую.

Слишком тихо. Подозрительно. Как бы юные Ивановы снова не готовили какую-нибудь пакость.

Я вошла без стука – было бы смешно стучаться – чай, не аристократы, а я не их подневольная.

Мальчишки сидели в кроватях, нахохлившись. Ромашка выглядел как привидение, закутанный в одеяло с головой. Медведь, уже переодетый, втыкал в телефон.

– Ну что, познакомимся поближе? – проблеяла я, пытаюсь улыбнуться. Челюсти у меня сводило, улыбка, подозреваю, выходила кривой, как у паралитички, глаз непроизвольно дёргался. Я боялась детей до ужаса.

К слову, не могу сказать, что полностью избежала участи «подальше от малышей». У Ирки – двое. Она замужем, счастливая жена и мать. Так что, в общем целом, иногда мне приходилось изображать заботливую тётушку. Но мои функции сводились к «тётя пришла, тётя подарила подарки, посюсюкала и свалила». Никто и никогда ни возиться с племянниками, ни нянчить их не заставлял.

– Знакомились уже, – буркнул Мишка, не отрываясь от телефона.

– Мы кораблики запускали, – виновато посмотрел на меня Ромка. Глаза у него синие и несчастные, как не расплатится.

– Знаю, – присела я осторожно на его кровать и ободряюще потрепала одеяло. К ребёнку притронуться побоялась. Мало ли.

– Я забыл, как тебя зовут, – охотно придвинулся ко мне мальчишка и снова заглянул в глаза.

– Аня, – вздохнула я. – Можно просто Аня.

Наверное, это неправильно. И нужно дистанцию держать. Но почему-то я решила: ну не хочу я для Ивановых быть Анной Валентиновной. Выговаривать сложно, общий язык как-то находить надо, а тётка Анна Валентиновна точно этому не поспособствует.

– А ты с нами долго будешь? – Ромка смешно пришепётывал. Зато все остальные звуки выговаривал хорошо.

– Пф! – фыркнул Михаил. – Папа её в два счёта выпрет, не парься!

– Мы хорошие, – продолжал гипнотизировать синими глазками Иванов-младший, – просто гиперактивные.

О. Боже. Откуда ребёнок такие слова знает? Я даже поперхнулась.

– Сколько тебе лет? – задала я закономерный вопрос.

– Пять! – гордо ответил ребёнок и подвинулся ещё ближе. – А Мифке – восемь!

Из них двоих общий язык будет тяжело найти именно со старшим. И чуяло моё сердце – это он заводит во всех играх на нервах. А Ромашка – так, под влиянием старшего брата. А поэтому, конечно, мне бы со старшим как-то контакт налаживать, но он сидит, бука букой, а меньший – рядом, глазастый заяц, так и хочется его потискать или просто к груди прижать.

Я даже испугалась своих желаний. Но в себе я потом как-нибудь разберусь – будет ещё время. А пока...

– В следующий раз, как надумаете корабли пускать, лучше тёплую воду набирайте. И приятнее, и вдруг чего – не заболеее.

Знаю: это непедагогично, но с чего-то ж нужно начинать. К тому же, я ничего плохого в кораблях не видела.

– Так отключи-и-ли, – бесхитростно всплескивает руками Ромка. – А Мишка сказал: надо закаляться. Настоящий мужчина не должен бояться холода.

О, майн Готт... Настоящий мужчина Мишка продолжал тупить в телефон, но я видела: прислушивается к нашему разговору.

– Ладно, – хлопнула я себя по коленям. – Водные процедуры приняли, боевое крещение получили, пора и силы подкрепить. Где у вас кухня? – обратилась я к старшему.

– На кухне, – буркнул он и зыркнул на меня из-под лба.

– Покажешь?

– Сама найдёшь, – сжал он губы в ниточку.

– Сама так сама, – согласилась я, вставая с Ромкиной кровати.

Подумаешь. Напугал. Квартира не лес, не заблужусь.

– Учти, – стрельнул Медведь мне в спину, – я вон ту гадость, что Дина приготовила, есть не буду!

Я обернулась и повела бровью.

– Ну и не надо, – одарила его весёлым взглядом. – Нам с Ромой больше достанется. Правда, Ром? – проникновенно посмотрела на младшего. Тот ещё больше сник и кинул быстрый взгляд на старшего брата.

Как я и думала. Медведь здесь рулит. Ну, ничего. Посмотрим, кто кого. Я девушка упрямая и целеустремлённая. А сложные задачи всегда меня на подвиги вдохновляли!

Глава 9

Анна

Главное в любой войне – умение отступать и не лезть с пашкой наголо туда, где высокие технологии рулят. Можно, конечно, совершить один-единственный подвиг и пасть смертью храбрых, а можно долго и нудно вести осадные или партизанские действия.

Я решила идти по второму пути.

Кухня у Иванова хорошая, просторная, уютная. Там можно смело жить. Тем более, что Дина Григорьевна отлично знала своё дело. Холодильник забит, еды – больше, чем нужно. Питание здоровое и разнообразное, без особых изысков, но даже на вид – всё очень аппетитное.

Я сглотнула слюну. Кажется, с вечера не ела. А утром – только чашка кофе. Волновалась перед собеседованием и решила не завтракать. А кофе и мороженое не в счёт. Это так, калории, а не питание.

В общем, настроение у меня поднялось. Готовить я умела, но по вдохновению. Жила я одна, поэтому вдохновение приходило редко. Но когда у тебя на руках много еды, настроение резко стремилась вверх, как указатель самого лёгкого пути на вершину неприступной горы.

Я решила взять быка за рога вкусными запахами и красотой. А что? Я креативна. К тому же, интернет мне в помощь. Там много всяких идей, как сделать еду красивой для детишек.

Короче, я старалась, как могла. Запахи разогретой еды стояли умопомрачительные, я нашла несколько крутых треков в телефоне, включила музыку погромче и даже напевать стала – так вошла во вкус невольного дизайнера-самоучки.

Квартира, правда, у Иванова огромная. Вряд ли запах еды разнёсся по всем углам, но моё веселье даром не прошло: через какое-то время две мордочки – любопытная и нахмуренная – показались в дверном проёме. Я делала вид, что ничего не замечаю.

– Ой, что это? – не выдержал Ромашка. У него так трогательно распахивались глаза. Веер длинных ресниц. Восторг. Любопытство. Предвкушение. Он не умел сдерживать чувства, прятаться, как ёжик-старший. Вот где характерец. В кого Мишка такой? Димка контактный, не сказать что весельчак, но букой его назвать сложно. Зато у Медведя вечно недовольное лицо, будто ему кто ногу отдал.

– А это пиратский обед! – тряхнула я кудрями и оскалила хищно зубы. – Специально для капитана корабля, что не смог сегодня отплыть из гавани!

– Правда, что ли? – любопытный нос ткнулся в стол.

– Самая что ни на есть великая истина! – провозгласила я. – Вот смотри: это море, – налила я в тарелку суп. – Это острова, – щедро посыпала суп сухариками. – Будешь покорять новые земли? Они такие вкусные, хрустящие, новенькие! Но только пока капитан ест с удовольствием и аппетитом.

– А если нет? – прошептал заворожённо Ромашка, залезая на стул.

– Тогда острова станут невкусными и тяжёлыми, пойдут на дно и спрячутся. Будут искать своего смелого флибустьера, которому нипочём никакие моря и океаны!

Я несла чушь, но вдохновенно. Меня саму захватила эта игра. На Мишку я старалась не смотреть. Пусть дуется и хмурит брови. Не будет есть – ему же хуже.

– А ещё у нас котлеты из печени самой настоящей акулы, морской салат, укрепляющий здоровье, и якорь из настоящего огурца с острова Погибших кораблей, где много-много сокровищ!

– А это что? – ткнул ребёнок пальцем в горку риса. С ней я ещё не закончила.

– О-о-о! – протянула я, закатывая глаза. – А это верный друг попугай, который кричит: «Пиастры! Пиастры!» и предупреждает об опасности. Пока будешь спасать острова, я успею

ему перья приделать, – сказала, показывая на разноцветный перец, что уже нарезала длинными тонкими ломтиками.

Мишка пренебрежительно фыркнул, а Ромка тем временем накинута на суп.

– Вот! Сразу видно, из кого получится самый настоящий капитан, способный вести корабль к новым приключениям!

– Врёт она всё! – заявил Медведь и сложил руки на груди. С ним только блокбастеры снимать. И оружия не нужно: гордая поза говорит сама за себя. Если бы не одно маленькое «но»: ему хотелось есть, я видела по глазам и по тому, как он украдкой сглатывал слюну.

– Зато интересно! – возразил Ромка, хрустя уже немного подмочившими свою идеальную репутацию сухарями.

– Я суп не люблю! – заявило старшее чудовище и гордо село на стул. – И хвост твоего попугая есть не буду. Перец – фу-у-у.

– Ну, ничего не могу поделать, – развела я руками, – у нас обед для отважных капитанов. А настоящие мужчины едят перец, хрустят огурцами, сухариками и любят море.

– А я люблю бутерброды! – держит упрямо сложенные руки на груди Михаил Дмитриевич Иванов. – И сладкое кофе!

– Кофе – сладкий. Потому что мужской род, – рискнула я его поправить.

Мишка снова фыркнул и ещё больше насупился.

– Вот ещё. Умная выискалась. Колбасы хочу!

– Есть суп, рис, котлеты. Мясо, салат, экзотические фрукты с тропических стран.

– И мы туда поплывём? – старательно облизал ложку Ромашка.

– Обязательно. Когда горячую воду дадут.

– Значит скоро! – «обрадовал» меня младший отпрыск. – По часам дают, – поведал он мне наивно.

– Да, но на сегодня порт закрыт, – развела я руками, с облегчением вспомнив, что кран так никто и не починил. – Авария. Крупная. Трогать нельзя, иначе море снова выйдет из берегов и затопит наш город, а заодно и жителей подземелья, что живут этажами ниже. И начнётся война. Жители внизу, знаете ли, такие вздорные и скандальные. Им не нравится, когда их холодным душем поливают. Им нравится жить в тепле и сухости. А сырость губительна для их суставов. Они потом болеют, плачут, а ещё становятся злыми. Вот кому понравится, если вдруг потолок превратится в грязный и пятнистый?

– У нас не превратится, – бычит старшенький. – У нас последний этаж!

– Так и не о нас речь, плохой капитан-девчонка! Мы ж – Верхний город. Самый сильный. А, как известно, сильный обижать слабого не может. Он должен защищать всех, кто слабее. Ведь они от нас зависят.

– Я не девчонка! – взвился Мишка. Правильно. Он всё правильно услышал. А я уже взмокла, как лошадь, что проскакала семь миль без остановок и вот-вот сдохнет, если ей не дадут подышать.

– Ну-у-у... – вздохнула я несчастно и почувствовала, как меж лопатками пот потёк. Жуть какая. Работа на износ. А Иванов о премии так и не заикнулся, прикинулся валенком сибирским. Надо ставить вопрос ребром, а то останусь ни с чем в итоге. – Тут понимаешь, какое дело, Миш... Только девчонки капризничают, то им не так, это не эдак, есть не хотят. Настоящие мужчины не выделываются. Им всё хорошо: и суп, и котлеты, и каша. Даже если не нравится. А то какие ж у тебя будут мышцы, если ты задохлик? На бутербродах далеко не уедешь, понимаешь? Только желудок испортишь. Особенно, если их со сладким кофе употреблять. Не, иногда можно, конечно, но не тогда, когда тебя ждёт самый настоящий пиратский обед!

– Ладно, – сдался хмурый Мишка после долгих и мучительных колебаний, с ненавистью наблюдая, как я колдую над «попугаем» из риса и овощей. – Давай уже свой суп. Но сухариков побольше!

– Вот это другой разговор! – в душе я выдохнула так, что моему стону позавидовал бы самый талантливый порноактёр.

Мне хотелось заискивающе вилять хвостом, но я мужественно сдержалась.

– Мя-а-а-ау! – взвыл истошно ещё один кошмарик, и я подпрыгнула на месте, отчего Ромашка звонко рассмеялся, а Мишка удовлетворённо растянул губы в злорадной ухмылке. Ему бы глаз чёрной лентой закрыть – настоящий пират, злобный, и способный нянь жарить на медленном костре, чтобы не выделялись.

– Это Фиксик, – радостно пояснил меньший, – не бойся!

– Ещё один член команды? – посмотрела я на кота, прищурившись. – Это хорошо. Нам нужны очень смелые коты!

У Фиксика была своя личная кормушка, и я рискнула дать ему котлету. Кот накинулся на неё с урчанием и радостью.

– А папа не разрешает его кормить человеческой едой! – обрадовал меня Медведь. – У кота своя еда есть! Вот тебе влетит!

– Но котам тоже иногда котлеток хочется, – попыталась выкрутиться я. – К тому же, мы папе ничего не скажем, правда? Ябедничать нехорошо!

В общем, кажется, я ввела Мишку в ступор. Он не знал, как лучше поступить. Ему накапать на меня хотелось, а выглядеть ябедой-корябедой – нет. Не сомневаюсь, что он найдёт выход и повернёт ситуацию в свою сторону.

– Ладно, – заявил он, доедая суп, – мы папе-то ничего не скажем, а вот посмотрим, как ты на нас жаловаться не будешь!

В глазах юного монстра светилось торжество. Упс. Поймал, мелкий коварный шантажист. Ну, ладно. Лиха беда начало. Как-нибудь и я выкручусь.

Мальчишки бодро стучали ложками. Старший даже перья «попугая» общипал, доказывая, что, как настоящий мужчина, умеет мужественно перец-фу употреблять, а я тем временем тоже не отставала: мозг требовал еды и перезагрузки. Я понимала: всё только начинается, и не считала, что выиграла битву. Получила передышку путём приложения титанических усилий, придумывая, как уломать двух пацанов.

Я верила в себя и свою звезду. Иванов прав: призрачный шанс получить желаемую должность грел сердце. Однако, я сомневалась, что смогу выдержать марафон. Это я с виду казалась умной и уверенной в себе. На самом деле, чувствовала себя, как слон, что случайно попал в одну клетку с хищными зверями. Съедят они меня или я, неловко повернувшись, их раздавлю? Вот в чём вопрос. И Гамлету до моей философии – как юному новобранцу до седого генерала...

Глава 10

Дмитрий

Какие переговоры, когда ты поступил, кажется, опрометчиво: бросил одну очень неопытную особу с двумя детьми? Я всё делал автоматически. Не знаю, как это выглядело со стороны, потому что и спросить не у кого: Васнецова, это вселенское недоразумение, на роль помощницы не годилась совершенно. Так, побегушка по мелким поручениям. Моя же некстати свалилась с простудой, поэтому пришлось отдуваться в одиночку.

Для себя я решил всё же Васнецовой попозже выписать премию. Иначе – как знать? – Аньку я мог вообще никогда не увидеть. Прошла бы она собеседование или не прошла – вопрос. А если бы прошла, то мы, наверное, всё же столкнулись бы, но всё было бы намного сложнее. А так... я получил её пока что в безраздельное пользование. Пусть временно.

Это шанс продумать хоть несколько шагов, а потом уж будет видно. Лучше ничего не загадывать и не витать в фантазиях, но кто-то во мне, похожий на наивного восторженного юношу верил в Аньку. И в то, что у нас тогда всё было надолго и всерьёз. Просто какой-то болт ослаб и винт вылетел.

Это были самые экстремальные переговоры на моей памяти. И самые короткие. Я мчался домой, нарушая правила движения. Мне всё казалось: наводнение, цунами, дом от взрыва снесло на хрен. Ведь они могут Аньку обмануть и включить газ, например. Или короткое замыкание устроить – с них станется. И она ничего сделать не может – девочка, у которой нет детей и которая понятия не имеет, как к ним подступиться.

Я дурак – ругал себя последними словами, а возле дома уже успокоился. Здание на месте, пожарные сирены не вспарывают воздух, «скорая» у подъезда не стоит. Что я, в самом деле, совсем с ума сошёл? Да и мальчики мои не такие уж бандиты. Это всё нервы расшатанные. Вечное беспокойство. Ощущение, что никто, кроме меня, не сможет с ними по-настоящему справиться.

В лифте ехал, устало прислонившись к стенке. Анька так и не позвонила. Справилась? Гордость не дала хотя бы поговорить со мной? Могла бы доложить, например, что у них всё хорошо. Надо будет в контракте прописать, чтобы каждый час отчитывалась. Или нет, каждые два-три часа. А то дни превратятся в кошмар от бесконечных звонков. А мне ещё работать нужно.

В квартиру я заходил как вор: очень тихо открывал замки и порог переступал буквально на цыпочках.

Тишина. Раньше я как-то её не боялся – воспринимал как благословение. А сейчас струхнул, аж руки затряслись неожиданно. Это всё Анька. А я моментально в параноика превратился. Откуда у неё это – если тишина, то жди беды? Ведь она говорила, что не умеет с детьми? Может, у женщин это на генетическом уровне записано? Какая-то внутренняя мудрость?

Сердце у меня из груди чуть не выскочило, пока я до детской дошёл. Ой, не к добру... всё как-то чересчур тихо-мирно, быть такого не может.

Я когда дверь открывал, глаза закрыл. Можно подумать, это бы меня спасло. А когда открыл... глазам своим не поверил.

Анька... спала. В обнимку с Ромкой. Лежали, как два голубка. Руки сына доверчиво на её шее сомкнулись, словно он боялся, что Анька куда-то денется. А куда ей деваться, если она дрыхнет без задних ног. Кудри сбились, халат мой на ней – как на чучеле огородном. Большой чересчур. Рукава подвёрнуты в три раза.

А потом я понял, что не так. Нос красным пятчком. Брови уродливо широкие. Над верхней губой – усы с завитушками вверх нарисованы. Красавица моя. И сын – художник от слово «худо».

Мишка сидел у Ромки с Анькой в ногах и вдохновенно разрисовывал Анькины пятки. Розовые такие, красивенькие. Правда, уже наполовину синие.

В груди у меня похолодело. Маркеры. Жирные ядовитые маркеры. И я не знал, отмываются ли они. Пятки что... а вот пятак с усами да брови, как у великого лидера прошлого – это атас.

– Михаил! – получилось слишком громко, но зато так холодно, что меня самого передёрнуло.

Мишка замер. Глаза на пол-лица. В этот момент он очень на Ромку похож стал, хоть ничего общего у них во внешности не наблюдалось. Беззащитный испуганный взгляд. Он же понимает, что пакость делает.

– Это что такое? – гроыхнул я, как ведро о железный лист.

Мишка готов был маркер себе в задницу затолкать, но прятаться поздно. Не отвертишься. И тогда он упрямо сжал губы.

Анька встрепелась и подняла голову. С ужасом посмотрела на меня. Красный нос. «Лохматые» брови. И рот до ушей, как у клоуна в цирке. Тоже красный, широкий, нарисованный от души, но криво.

Титаническим усилием я заставил себя не ржать. Но грудь у меня ходила ходуном. Нет, правда, сдержаться сложно. А Аньку нужно видеть. Это действительно смешно. А она такая сонная, глазами хлопает.

Я перевёл взгляд на сына.

– А мы в пиратов играем! – выдал Мишка. – Аня, скажи ему!

Аня? Однако... что за ерунда... кто позволяет себя в здравом уме уменьшительным именем называть.

– Да, играем, – кивнула Анька. Локон упал ей на глаза, и она его сдула. Губы трубочкой сложила и «пф!» сделала.

– И боевая раскраска, значит, входит в правила игры, я так понимаю.

На Аньку я больше старался не смотреть. Сверлил дырку в обоях. Там кораблики плыли по синему морю. Морская тематика. В тон их непонятных игрищ.

– Анна Валентиновна, ты давно в зеркало смотрелась?

– Ну... в ванной, – осторожно поделилась сокровенным она.

– Самое время снова посетить сей выдающийся кабинет.

Анька больше ничего спрашивать не стала. Вылезла из постели и заботливо поправила на Ромке одеяло. Младший сын спал, как ангел. Рот приоткрыт, ручонка выглядывает.

От очень простого Анькиного жеста сжалось сердце. Вот как она так, а? Откуда это в ней? Ведь не передо мной красовалась. Не для меня её нежность – для почти незнакомого мальчика. Не показушно, а... будто по-другому и нельзя никак.

Анька выскочила в коридор, забыв надеть тапки. Я видел, как сверкает её синяя пятка. Из ванной раздался душераздирающий вопль. Нет, я не прав: раздался бы. А так он прозвучал придушенно, но вполне натуралистично: ведьма Варикова рычала от злости и бессилия.

А я тут же вспомнил, что воды в ванной нет – перекрыта её же лёгкой ручкой.

Анька тоже это вспомнила: потянулась кран открыть, но какой там. Глухарь – птица страшная, хоть и с виду красивая.

– Я же просила вызвать слесаря, – вроде спокойно, но как-то слишком остро полоснула она меня. Так жёны достают мужей, упрекая их в безалаберности. Я ей даже не возразил: губы у Аньки тряслись. Сейчас расплачется. За спиной у меня маячит Мишка. Наблюдает.

Анька тоже его заметила, и поэтому я увидел, как она берёт себя в руки. Ни слёз, ни истерик. Мой самый отважный в мире клоун. Только ещё один долгий взгляд на себя в зеркало. И рукой по волосам прошла, продирая пальцами кудряшки.

– А мы... да. В пиратов играли. Это, видимо, Миша поблагодарил меня за обед. Достаточно было сказать «спасибо», – не сводит она с него глаз. – Но, видимо, спасибо – это слишком сложно и много. Поэтому получился незапланированный карнавал. У тебя водка есть, Дмитрий Александрович? – неожиданно спросила она.

Я невольно дёрнулся. Она что, собралась надраться на глазах у ребёнка?!

Глава 11

Анна

Выглядела я – хуже не придумаешь. К тому же я понимала: старший Медведь компромиссов не знал и пощады от него ждать не приходилось. Он не просто меня размалевал, а сложно: маркеры оттереть за один раз практически невозможно. Особенно с кожи. А тем более, с лица.

Первая мысль, когда я посмотрела на себя в зеркало: какое счастье, что мне не нужно идти на работу и садиться в кресло руководителя. Боюсь, мой внешний вид долго оставался поводом для сплетен.

Вторая мысль: с этим художеством придётся как-то жить несколько дней. Хотелось разреваться, и как я сдержалась – не знаю. На чистом упрямстве, наверное.

Я не сердилась. Лапки бы кверху поднять и сдаться. Смотреть на мир с тоской, вопрошая: за какие грехи наградили меня Ивановым с его слишком активными детьми? Ведь знала: нужно держать ухо востро и не расслабляться. Но Ромка попросил лечь с ним рядом, и я не удержалась. Он засопел сладко почти сразу, а я лишь на минуточку прикрыла глаза.

Я нервничала, готовясь к собеседованию, ночью спала плохо. Потом все эти тряски-пляски, встреча с Ивановым, воспоминания, холодный душ, извращения с обедом...

Сытый желудок и усталость свалили меня, как антилопу. Я перестала бить копытом и выдавать золото. За что и поплатилась. Сама виновата.

Иванов на вопрос о водке отреагировал странно. Вид у него был такой, словно он хочет кинуться на меня и разорвать. С ним всё понятно. Совсем башка не варит.

– Водка нужна, чтобы маркеры попробовать оттереть, а не внутрь принимать, как ты подумал.

– Ничего я не подумал, – стиснул он челюсти, но взгляд его приобрёл осмысленное выражение. – Водки нет.

– Тогда что-то спиртовое. Я просто так не отмоюсь. К тому же, тут авария.

– Исправим, – Димка и глазом не моргнул. – В доме ванная не одна. И горячая вода уже есть. Не соизволите ли, сударыня, принять водные процедуры?

– Соизволю, – почти прорычала я. Мишка подозрительно чмыхнул. Ржёт, юный художник?

– А я тебе, Анна Валентиновна, одежду купил, – Иванов смотрел такими честными глазами, что захотелось ему в лоб закатать раскрытой пятернёй. Подкуп восьмой няни в действии. Стареется.

– Лучше водки закажи. Да побыстрее.

– Михаил, – о-о-о, как Дмитрий Александрович поворачивал свою царственную голову! – провожу Анну Валентиновну в другую ванную комнату.

Медведь отца послушаться не посмел. Но шёл так, словно меня и не существовало. Иванов-старший тем временем телефон достал и невозмутимо начал ковыряться, делая вид, что очень занят. Видимо, добрался до ликёро-водочного комбината.

– Вот, – кинул старший отпрыск на меня безразличный взгляд и распахнул дверь. А затем задал стрекача. Наверное, боялся, что я его придушу или угрожать начну. А я и не собиралась, хотя, по большому счёту, ему бы взбучку задать не мешало бы.

– Ань, – протянул Димка мне полотенца и пакет. С теми самыми вещами, полагаю. – Я всё ещё помню твой размер, – сказал он доверительно. Тихо так, со значением. Или мне показалось?

И я струсила. Залетела в ванную и быстренько на щеколду закрылась. Он что, клинья ко мне подбивает? Сто лет прошло. Не вспоминал, не искал. Женился, детишек родил. Размер

он мой помнит. Лучше бы свои обещания помнил, лгун несчастный. Да по другим бабам не шляется бы.

Я выдохнула. Вздогнула, уловив снова своё отражение в зеркале. Ну и красавица ж я. Нос алкоголички чего стоит. И рот. Да и брови ого-го.

Неожиданно стало смешно. А чуть позже я ещё и синюю пятку рассмотрела.

Короче, я не стала ни в чём себе отказывать: залезла в ванную, Улеглась поудобнее, пену соорудила шапкой и прикрыла глаза.

На повестке дня стоял один-единственный вопрос: насколько меня хватит? Как долго я смогу быть няней, когда нельзя расслабиться ни на минуту?

Трёх часов не прошло, а впечатление, что я карабкаюсь на Голгофу, долго-долго, на коленях буквально. Если так будет и дальше, я ж сгорю на этой работе. Спекусь, как гусь с яблоками.

Но отступать – не мой стиль. К тому же... меньший Иванов такой славный мальчуган. Открытый, добрый, искренний, доверчивый. Зайка, одним словом. Там в глазищи его посмотришь – и всё становится лишним. Даже глубоко лелеемая мной должность.

Я ведь могу развернуться и уйти. Найти что-то попроще, не так высоко оплачиваемое, но по душе. И никто костями поперёк дороги не ляжет.

Могу, но не хочу. Дело принципа и доверия одного ребёнка. Мне казалось, мы с ним нашли общий язык, хотя это и может показаться притянутым за уши моим желанием, когда в упор не видишь коварные ловушки и неожиданные повороты.

Маркер от мыла и воды не оттирался. Чуть потускнел, стал не таким ярким, но «усы, лапы и хвост», как говорится, остались, где были.

Удивительно, но я не бесилась. Кажется, случись подобное в моей прошлой жизни, я бы визжала от бессилия. Пусть бы попробовали провернуть такой фокус мои племянники. Я была б грозной и карающей. Все вокруг были б виноваты, а я – сторона пострадавшая – заставила б вокруг себя плясать.

Вот что значит другой ракурс и восприятие, когда ты сама себе царица и когда ты подневольный раб. Впрочем, я понимала: лукавлю. Дело не в этом. А в том, что гад Иванов рядом. Он всегда действовал на меня магически, что ли.

И вот сейчас, вместо того, чтобы метать молнии, я лениво намываюсь и гадаю, что же он мне купил из одежды. Не заглядывала специально. Это же здорово – сюрприз!

Нижнее бельё он не купит – не в тех мы сейчас отношениях, но платье взамен юбки, погибшей в пылу широкого шага и под натиском наводнения – вполне.

Иванов был удивительный. Всегда прислушивался, очень много слышал, когда с ним разговаривали. Даже чересчур. А потом не угадывал, а бил в самую нужную точку. Это касалось всего. Он бы никогда не ошибся с выбором обоев, всегда знал, что подарить другу или чем обрадовать девушку.

И дело было не в интуиции или его вкусе. Он просто умел слушать и замечать незначительные детали. Идеальный – так я тогда считала. Именно поэтому я сразу не сунула нос в пакет. Мне нравилось предвкушать.

Наконец момент ожидания закончился. Я отмыла всё, что смогла, замоталась в огромное полотенце и... халат?! Он купил мне халат?! Да он издевается! Ну, Иванов, держись!

Глава 12

Дмитрий

Её невозможно было пропустить – кидалась в глаза. В розовом халате, с розовыми от ярости щеками. Анька всегда хорошела, когда злилась. Впрочем, она хорошела и когда радовалась. Ей почти любые эмоции к лицу – слишком живая и выразительная. На неё нередко залипали окружающие. Особенно мужчины. Удивительно, что она до сих пор не замужем.

Ну, да. Я изучил её досье, каюсь. Успел. Не расспрашивать же о личной жизни? На правах старого «друга» как бы могу, но лучше головой в стенку, чем вести скучные светские беседы, выпытывая подноготную, как сплетница на лавочке. Ни к чему ей знать о моём жгучем интересе к её весьма нескромной персоне.

– Иванов! – прошипела Анька, как только я попал в поле её зрения. И по сторонам оглянулась, нет ли детей поблизости. Детей не было. Ромка ещё спал, Мишка предпочёл глаза не мозолить и спрятался. Я решил дать ему очухаться немного. Тем более, что его проделку с рук спускать не собирался.

– Да, Анна Валентиновна, – нацепил я на лицо суконку. Какая молодец она, что не скандалит при детях. Это похвально.

– Это что, Иванов? – вцепилась она наманикюренными коготками в край рукава и потрясла им, как половой тряпкой.

– Халат? – рискнул я предположить очевидное и чуть уши не прижал, ожидая взрыва. – Размер не подошёл? Мой верный глазомер подвёл? Вроде бы хорошо сидит. В груди жмёт?

– Я тебя придушу! – прошипела она с чувством, и я вдруг представил, как она страстно обнимает меня за шею, как её ногти впиваются в кожу, и вздрогнул. Лучше не фантазировать в этом направлении, а то тело из-под контроля выходит и начинает собственное восхождение вверх с высоко поднятой головой.

– За что? – притворился я недалёким валенком, стараясь не смотреть на её разрисованное лицо. Анька выглядела... забавно.

– Это ты называешь одеждой? – кажется, ещё немного, и в её лёгких кислород закончится от возмущения.

– Пусть любой кинет в меня тапкой, если это еда или вещь домашнего обихода, – невозмутимо парировал я.

– Я поняла, – перешла Анька в атаку, – ты решил меня тут навеки приковать? Сделать рабыней?

О, да... хорошие фантазии. Я сразу на свой манер все её выпады представил. И наручники, и рабыня... кажется, давно никто меня не будоражил настолько. Но это Анька. Ей прощать и можно. Я ей всё прощу – любые издевательства. Или не прощу. Отомщу. Да. Мстить. Кажется, я именно на этом желал сосредоточиться, когда впервые за много лет увидел в своём кабинете.

– Ты о чём думаешь, Иванов? – спросила Анька уже поспокойнее, но с подозрением.

К счастью, отвечать не пришлось: служба доставки прибыла. Оперативно, а главное – вовремя.

– Водка! – щёлкнул я пальцами и отправился открывать дверь. А Варикова так и осталась стоять в боевой стойке «щас всех порву». На фоне розового халата это смотрелось изумительно.

Я оттягивал момент нашего воссоединения как мог. Нуждался в перезагрузке. Даже закурить захотелось, хоть я бросил эту пагубную привычку сто лет назад, в тот день, когда Мишка родился.

– Пошли на кухню, – потряс я пакетами, – будем из тебя человека делать, Варикова.

– А сейчас я кто? – возмутилась Анька.

Зайка. Моя нежно-розовая зайка. Но вслух я ничего не произнёс. Шёл мужественно впереди, изо всех сил подавляя в себе желание обернуться.

От Аньки вкусно пахло. Моим шампунем и гелем от душа – да. Но и ещё чем-то, давно позабытым, сжимающим сердце так сильно, что я даже на миг испугался.

Подумал малодушно: а может, ну его? Всю эту катавасию с контрактом, мстью, прочей ерундой? Пусть катится на все четыре стороны. Жил же я как-то без неё все эти годы? Долгие годы даже и не вспоминал – что правду таить?

– А сейчас ты восьмая няня, которую разрисовал под хохлому мой сын, – всё же сказал, кидая на неё безразличный (как мне казалось) взгляд.

Анька упала на стул. Сникла. Плечи у неё сдулись. Тоже на мгновение. А затем она встала и, держа спину ровно, как на подиуме, вышла походкой от бедра вон.

Я растерялся. Смотрел ей вслед. Думал чёрт знает что. Она собралась в таком виде бросить меня с водкой наедине? Я не согласен. Не согласен я!

Пока я паниковал, Варикова вернулась. Уселась назад, достала из сумочки зеркальце и ватные диски, разложила их, как хирургические инструменты, и потянулась к пакету. Достала бутылку, сама открутила пробку. А я только сидел болван-болваном и наблюдал за её действиями.

Её стремительное бегство из меня дух выбило. Соображать здраво я не мог. Сидел и пялился, как она ватный диск щедро поливает водкой и деловито трёт нос, разглядывая себя в зеркальце.

– Ой, Аня, а что ты делаешь? – это сонный Ромка появился в дверях. Заспанный, волосы торчком. В груди снова всё сжалось. От умиления и любви. От тревоги, что я в очередной раз – плохой отец. Так хотелось сделать для сыновей больше, гораздо больше, а у меня никак не получалось.

Ромка таращился. Аня повернулась к нему лицом. Маркер не особо оттирался, а нос покраснел у неё ещё больше от интенсивной тёрки.

– Смываю боевую раскраску. Пока мы с тобой спали, твой брат Медведь играл в индейцев. Маркерами меня разрисовал.

– Медведь? – у Ромки заливистый заразительный смех. Я ещё не видел ни одного человека, кто бы устоял перед его обаянием и хотя бы не улыбнулся в ответ.

А ещё я знал одну страшную вещь: Ромка не такой уж невинный цветочек и обаяшка. Если человек ему не нравился, он похуже Мишки будет. Не пакостить, нет. Для этого он чересчур бесхитростный, но и прямота его приводила к тому, что уж если Ромке кто не нравился, то это надолго, если не навсегда.

Анька ему нравилась. Вольно или невольно – вопрос десятый. Но то, что он её принял – факт, который ещё больше убеждал меня: она нам нужна. И пока что в качестве няни куда больше, чем на должности руководителя.

Компания не умрёт, а вот остатки моей семьи разваливаются на части. Кто-то должен быть цементом. Возможно, именно Варикова – та самая надёжная субстанция, что сумеет склеить невозможное.

– Ага, – подтвердила Анька. – Медведь-топтун, видишь – наследил. И теперь я Харли Квин¹. Биты мне не хватает.

– Будешь Мифку бить? – округлил глаза Ромка.

– Скорее, отбиваться, – вздохнула Анька и продолжила водочные процедуры.

Она повернулась к Ромке почти спиной, когда потянулась за очередной порцией водки.

¹ суперзлодейка, позже антигерой вселенной DC Comics, первоначально появившаяся в мультсериале «Бэтмен» 1992 года, позже была перенесена в комиксы. Она является главной сподвижницей Джокера.

– Ой! – восторженно воскликнул мой сын. – Зайка! – бесхитростно озвучил он мои мысли.

Анька недоумённо обернулась. Рука её застыла возле рта, который она тоже без особого успеха пыталась оттереть. А я замер. Неужели она не заметила? Да быть такого не может!

– Какой зайка? – испуганно посмотрела она на пол, выискивая мифического зайца. Она что, думает, у меня здесь зверинец? Вполне хватает помоечного Фиксика. На большие подвиги я вряд ли согласен.

Ромка снова рассмеялся. Смех его рассыпался солнечными бликами, отскочил от стен и застрял где-то на уровне сердца.

– Ты – зайка! – ткнул в Аньку пальчиком мой сын и уверенно полез к ней на колени. Варикова опешила и застыла с ватным диском в руках, а Ромка тем временем, пыхтя, надел на неё капюшон. Дурацкий капюшон с забавными заячьими ушами, что повисли слева и справа от Анькиной головы двумя вислыми лопухами.

А что. Ей идёт. Супер. Она ещё на халат ругалась.

И тут я услышал другой смех. Редкий. Это смеялся Мишка, сползая по стенке на пол.

– Она похожа не на зайца, а на осла! – заявил мой старший сын, и на какое-то мгновение в воздухе повисла тишина.

Анька с круглыми беззащитными глазами, как собака, которую неожиданно пнули под рёбра. Ромка с испуганно-виноватой мордашкой. Я, понимающий, что всё вышло из-под контроля. И только Мишка по инерции продолжал хохотать.

Кажется, пора брать контроль над ситуацией в свои руки. Иначе беда.

Глава 13

Анна

Не знаю, что я чувствовала. Наверное, боль. Немножко. Это когда локтем приложишься – прошивает насквозь, аж в глазах темнеет, а потом боль уходит, ты начинаешь дышать и понимаешь: просто удар, всё на месте, кости целы, голова не отвалилась.

Ну, ребёнку показалось, что я похожа на осла. Халат и правда смешной. Я даже не заметила эти заячьи уши. Злилась на Димку, когда его напяливала на себя, не до осмотра «достопримечательностей» было. Нет ничего такого в том, что все смеются. Вон, Ромашка смеялся, мне и не обидно было. Только потому, что Зайка звучит приятнее, чем Ослица?

Пока я выстраивала логические цепочки и пыталась успокоиться, Димка времени даром не терял.

– Извинись! – дёрнул он Медведя за руку, поднимая пацана на ноги. – Сейчас же извинись! Мало того, что ты Аню... Анну Валентиновну разрисовал и решил, что тебе сойдёт это с рук, так ты сейчас намеренно обозвал её! Это грубо и некрасиво, Михаил! Не по-мужски! А это значит, что я тебя плохо воспитал, не вбил в голову простые истины.

– А если не извинюсь, то что будет? – он похож на упрямого бычка и боевого петушка одновременно. Взгляд исподлюбья, головой дёргает, пытаясь казаться смелым, хотя видно: он боится отцовского гнева, но бунтует по одному ему понятным мотивам.

– Кого нельзя обижать, Михаил? Мы с тобой этот урок проходили. И не делай вид, что ты меня не слышишь или не понимаешь.

Я почувствовала, как жмётся ко мне Ромашка. Испуган, хоть влетело не ему. Я сжала его покрепче и успокаивающе погладила по спине. Посчитала позвонки. Худенький какой, маленький. Беззащитный котёнок.

– Слабых, женщин и детей, – перечислил безлико Медведь. Как скучный вызубренный урок: знать – знаем, но понимать – не понимаем. А ещё и хочется сделать назло, чтобы не приставали со своей мурнёй.

– А ты что только что сделал? – тряс Мишку, как грушу, Иванов. – Надсмехался и обзывался!

– Я не специально! – у старшенького как голова не оторвётся – так он старается марку держать, но выходит уже плохо. Иванов давит, как каток, не замечая, что уже сплющил сына своим напором. – Вырвалось! Уши не заячьи, а осячьи какие-то! Ну убей, убей меня за это!

По-детски смело, но истерично даже. Мне показалось, что он провоцирует Димку. Хочет, чтобы тот действительно ему двинул, и это будет повод ненавидеть отца. А Иванов близко к тому, чтобы поднять руку. Я вижу, как он хватается за пряжку от ремня.

Вот только стриптиза мне здесь не хватало – Иванова со спущенными штанами.

Я вскакиваю со стула, осторожно сажаю Ромку на своё место и кидаюсь к любителям разборок.

– Всё, Иванов, хватит! – толкаю Димку в грудь. – Ты же его пугаешь!

Иванов от неожиданности попятился. Посмотрел на меня озадаченно. А затем улыбнулся. Нехотя. Пытаясь улыбку удержать, но она расплзлась на его лице, как радужное пятно по луже, куда бензин попал.

– Зайка, – прошептал он с нежностью, а у меня сердце подскочило, кувыркнувшись. Я так и стояла в капюшоне с ушами. Надо хоть в зеркало будет посмотреть, настолько ли у меня дурацкий вид, как кажется.

– Иди к себе в комнату, – обернулась я к Медведю. Он дрожал, напряжённый, как струна. Губы сжаты, наверное, чтобы не тряслись. А в глазах – слёзы, ещё не пролитые, но чуть-чуть – и брызнут. – Ромашку забирай и идите. Мы тут с папой поговорим.

Дважды упрашивать не пришлось. Ромка сам спрыгнул со стула и потянул Мишку за руку. Их уход напоминал позорное бегство, а не достойное отступление. Улепётывали. Я провожала их взглядом. Ромашка оборачивался. Кидал на меня взгляды. Медведь рвал когти без оглядки.

– Это не воспитание, – ударил меня сурово в спину Иванов, как только дети скрылись за поворотом.

– А за ремень браться – воспитание? – крунулась так, что заяче-ослиные уши хлопнули меня по лицу. В сердцах я содрала капюшон с головы. – Этим ты ничего не добьёшься, Иванов. И тем, что насильно заставляешь Медведя извиняться – тоже. Он не чувствует вины. А если и чувствует, то не до конца. Я для него чужая, понимаешь? Вражеский лазутчик, проникший в дом. А тут ты: Аня, – передразнила я его, – халатик этот дурацкий. Это опасность. Тётка незнакомая, которую папа знает. Подсунул им в очередной раз, сплавил с рук – и доволен.

– Ты будешь меня учить, Варикова? – задрал вверх подбородок Димка и сразу же живо напомнил мне юного диверсанта, что стоял тут как партизан на допросе.

– Буду! – я тоже распрямила плечи. Я ему не Мифка, пугать меня не надо своим авторитетом и властным голосом. На меня подобные штуки не действуют, до свидания. Я девушка опытная, и не такие монстры рычали.

– И что ты предлагаешь? Спускать ему всё с рук? А он и дальше будет пакостить, мотать нервы, издеваться?

– В любых переговорах выигрывает не тот, кто слюной брызжет и психует, а тот, у кого голова холодная, а сердце горячее. Кто умеет разговаривать.

– А я, по-твоему, танцы здесь хороводил? – Иванов распаляется ещё больше и слышать меня не желает.

– А ты командовал и навязывал свою волю. Это разные вещи. К беседам твой давящий аппарат никакого отношения не имеет. Приказами добьёшься того, что сын твой будет всех ненавидеть. Особенно тех, кого ты ему навязываешь.

Иванов неожиданно расслабился и окинул меня жадным взглядом с головы до ног. Так зыркнул и глазами сверкнул, что у меня колени подогнулись.

– Говоришь, нет педагогического образования? – поинтересовался он, закладывая руки в карманы брюк. – Ты точно мне голову не морочишь?

– Нет, всё верно. Но, как работать с коллективом, я знаю. И прошла не один психологический тренинг, чтобы правильно понимать и расставлять приоритеты. К каждому сотруднику нужен индивидуальный подход, если ты хочешь, чтобы у тебя была команда, а не сборище змей подколодных, готовых тебя подосрать в любой момент.

– Ах, вон оно что, – протянул он издевательски, – психоло-о-гия. А я-то думал... Грамотная, говоришь?

– Вполне. Дай слово, что не будешь на Медведя орать. С ним нужно разговаривать. Провести беседу. Не нудную лекцию: «сын, ты всегда не прав», а по душам.

– Удивляюсь я и поражаюсь тебе, Ань, – Иванов злился и спорил лишь бы не согласиться с моими доводами. – Он же тебя несмываемым маркерным позором покрыл, обидел, нахамив. Да его выпороть мало! И нормальная девушка потребовала бы его крови.

– Значит, я ненормальная, – развела я руками. – Я лучше потребую сатисфакции, но не у тебя, прости, а мы сами с Медведем разберёмся, кто из нас сильнее и в чём. Ну, а пока... мне, наверное, домой пора. На сегодня рабочий день закончился.

– Подожди, Ань, – забеспокоился Димка, – как же ты с таким лицом-то?

– Дома ототру, – не моргнула я и глазом. – Ты же презентуешь своей восьмой няне бутылку водки? За моральный ущерб? А в такси меня любую примут, если купюрой перед носом помашу. Мне ещё машину забирать. Ну а ты подумай над своим поведением, список моих обязанностей не забудь составить и контракт набросать. Небось и не приступал ещё, –

поцокала языком и гордо удалилась в ванную, прихватив свои вещи – юбку рваную да блузку грязную, от потопа пострадавшую. Колготы я в мусорку выкинула. Хорошо хоть лето, не око-
лею.

Но первое, что я сделала, как дверь за собой закрыла, напялила капюшон на голову и в зеркало на себя посмотрела. А что, мне идёт. И уши очень даже симпатичные.

– Сам ты осёл, Медведь, – пробормотала я и показала своему отражению язык.

Странно, но с халатом я сжилась, даже жаль стало расставаться. Он такой пушистый и уютный. А мне домой пора. Морду лица оттирать и лечить душевные раны. Со вздохом я скинула халатик с плеч и влезла в свои многострадальные шмотки.

Чёрт. Я няня. А самое страшное – завтра я снова приду, потому что... нет, Иванов никакой роли не играет. Я просто хочу место руководителя. И я его получу. Обязательно!

Глава 14

Дмитрий

Анька... другой такой нет. И дикая тоска нападает на меня, как только она уходит, гордо задрав нос. Не отпускаю. Ни за что. Иначе наша подводная лодка утонет и больше никогда не всплывёт. Нам даже перископ не выдвинуть – заело что-то, не все механизмы работают. А я уже отчаялся, что получится найти что-то стоящее – ту самую идеальную няню, которая наконец-то расставит всё по своим местам.

Из ванной Варикова выходит строгая и независимая. Ну и что, что у неё порвана юбка и кофта с пятнами? Это типа боевые шрамы, полученные в борьбе за место под солнцем и со стихийным бедствием.

Она, не глядя на меня, усаживается на стул и снова трёт лицо водкой. Результат так себе. Эффект есть, конечно, но и следы Мишкиного преступления видны, хоть затришь тут до посинения.

– Ань... – пытаюсь я пойти на мировую, – а я тебе платье купил. Красивое. Примеришь?

О, какой она бросает на меня взгляд! Испепелила бы, моя драконица. А я что... готов сгореть заживо, лишь бы не сердилась.

– Вы бы лучше кран починили, Дмитрий Александрович, – строго складывает она губки бантиком. – А платья ваши мне ни к чему. У меня всё есть, спасибо.

– Почему ваши? – бормочу я покаянно. – Мне платья не к лицу. Для тебя старался.

– Подлизываешься, Иванов? – щурит она глаза. Сложно с ней. Знает меня как облупленного. Ещё бы...

– Да, – не кривлю душой. Ане лгать тяжело, хотя можно постараться, наверное. А то ж съест с костями и потрохами. Но сейчас не тот случай. – Кран починю, с Мишкой поговорю. Не сердись, а?

– Я подумаю, Иванов, – вздыхает она, разглядывая себя в зеркальце. – А сейчас мне пора. Счастливого оставаться.

– Давай я тебя отвезу, – иду за ней вслед, как телок. Анька бросает на меня ироничный взгляд и бровь выгибает выразительно.

– Я на такси. Ты совсем ку-ку, Дим. У тебя дети. Не бросай их. Тебе ещё их кормить, сказки читать, купать, спать укладывать.

Она права. Чёрт. А я точно ку-ку – все мозги растерял. Точнее, они в другое место плавно переместились. Ладно, принцесса Недотрога, мы ещё ко всем пунктам вернёмся. Я точно знаю: у нас как на вулкане. То гром грохочет, то магма извергается.

– Хорошо, – сую я ей в руки пакет, – завтра жду тебя в семь.

Анька от пакета отбрыкивается, но я сильнее – всовываю его почти насильно и рукой пальцы её зажимаю.

– Пожалуйста, Ань, – надавливаю голосом.

Она вздыхает, дёргается. Глаза у неё почти нормальными становятся. А я отпускать её не хочу. Держу руку так, словно от этого моя жизнь зависит. Может, так оно и есть, но пока ей знать об этом не нужно. В себе поковыряться не мешало бы. Остыть. Подумать головой хоть немного, а не другим местом, где пригорает невероятно.

– Пожалуйста, – додавливаю я её, и Анька сдаётся. Мне даже полегчало, когда пакет остался у неё в руке, а не полетел через весь коридор или не очутился у меня на голове, которая нормальные мысли генерировать отказывалась.

Варикова склоняется к телефону, набирая номер такси. А я тем временем кидаюсь назад с воплем:

– Подожди! Минутку!

И пока она таращится, возвращаюсь с бутылкой водки.

– Вот. Ты просила.

Анька начинает хихикать, а затем ржёт в голос, сползая по стенке, как Мишка недавно. Недалеко ушла. Ну, восемь – двадцать восемь – почти одинаково. А ведь она могла бы быть его мамой, – вдруг думаю с какой-то тоской. Если бы... но зачем, зачем об этом постоянно вспоминать? Только душу себе травить. А я ещё не выяснил, есть ли у Вариковой бойфренд.

От этой мысли меня просто на узел завязывает. Кулаки сжимаются невольно. Ладно. Время. И все бойфренды очутятся в баскетбольной корзине, как мяч. Трёхочковые броски я делаю мастерски до сих пор.

– Ладно, Иванов, прощён, – забирает она из моих рук бутылку и засовывает её в пакет с платьем. У неё пиликает телефон. Анька машет мне рукой.

– В семь, не опаздывай, – напоминаю я ей.

– Приеду вовремя, строгий работодатель, – кивает она мне в ответ и уходит. А я, как дурак, стою и пялюсь на закрывшуюся за ней дверь. Никак собрать себя не могу.

– Пап, – окликает меня Ромка. – Там Мифка плачет.

Я вздыхаю и смотрю на расстроенное лицо младшего сына. Он сам, наверное, ревел. Глаза несчастные.

– Пойдём, – беру его за руку, – будем успокаивать Мишку.

– А Аня вернётся? – шёпотом спрашивает Рома, заглядывая мне в лицо.

– Думаю, да, – треплю его по светлым волосам и попутно вызываю слесаря. Надо кранчинить. Отношения снова латать. Беседы вести. Обещал. Я ведь тоже руководитель. Посмотрим, что у меня получится. С психологией или без.

Анна

Таксист смотрел на меня подозрительно и принюхивался. Ну, понятно: рожа размалёвана, воняю водкой. Видон – тот ещё. Хорошо хоть ему мой зад не видно.

– Мне к офису, пожалуйста, – назвала я адрес и зачем-то пояснила: – машину забрать нужно.

– Вы бы в таком виде за руль не садились, – дёрнул шеей и кадыком водила, снова принюхиваясь. – Не моё, конечно дело, простите, но лучше бы не надо.

– Меня ждут, – тряхнула кудрями, не пытаюсь объясняться, хотя почему-то жутко тянуло на откровения. Видимо, нанюхалась водки. Угорела. Таксисту точно не нужна моя грандиозная история с леденящими душу подробностями.

А дальше – без приключений, как по нотам. Полчаса – и я дома. Запоздало обращаю внимание на сто пятьдесят пропущенных звонков от Ирки. Совесть цапает меня за горло. Она беспокоится, а я... но у меня есть оправдания. Телефон отключала перед собеседованием и за стремительными событиями забыла, не до того было.

Больше всего хочется упасть и уснуть, но я вздыхаю и набираю сестру.

– Что у тебя стряслось? Мы с Трофимом волнуемся! – отвечает Ирка сразу же, как только проходит первый гудок. – Ань, ну ты как всегда: захотела – появилась, захотела – исчезла, как солнце за тучей, неуловимая наша!

Я прикрываю глаза, чувствуя, что предательские слёзы близко. Так приятно слышать её взволнованный, полный тревоги и заботы голос. Ирка – родной человек. Всегда поможет и поддержит.

– Как собеседование, Ань? – доносится до усталого мозга очередной вопрос сестры.

– Можно сказать, отлично, – вздыхаю я. Только меня взяли не на должность руководителя маркетингового отдела.

– А куда? – захлёбывается воздухом Ирка.

– Ты лучше сядь, ладно? – я сестру люблю и не хочу, чтобы она упала.

– А-а-ань? – включает сирену Ирка. – А ты куда опять влезла, а?

Я снова закрываю глаза, чтобы не «видеть» слов, что вылетают из меня, как из пулемёта. В признаниях главное – сказать всё быстро, чтобы не свернуть и не начать лгать.

– Я теперь восьмая няня у Димки Иванова. Того самого, помнишь?

Пауза. Тишина.

– Ир? – спрашиваю осторожно. Она что, онемела или в обморок упала?

– А что, Иванов теперь нуждается в персональной няньке? – зло выплёвывает она. – Ты ему теперь сосочку будешь давать?

И во второй раз за день я сползаю по стене от смеха. Ноги не держат, честно.

– Не ему, Ир, – выдавила из себя, отдышавшись. – А двум его сыновьям пяти и восьми лет.

– А теперь сначала и со всеми подробностями! – командует сестра. – Или нет, не надо! Мы сейчас с Трофимом и детьми приедем!

Мне бы мордочкой в постель... Но Ирка уже отключилась. К тому же, наверное, я нуждаюсь, чтобы меня выслушали, пожалели, по голове погладили... Я всё же не железная. Мне тепло и ласка нужны. А кто их даст, как не самые родные, готовые ради меня и в огонь и в воду?

Глава 15

Анна

– Ты с ума сошла! – Ирка разве что по стенам не бегает. – Опять в пасть к этому льву? Ты ж от этого сбежала, Ань!

Я пожимаю плечами. Не хочу ничего объяснять. Ни свои чувства, ни мотивы. Я и так рассказала предельно честно, как смогла.

– Они ж тебя съедят – эти дети!

– Подавятся. Я большая и невкусная, – усмехаюсь. – Зато я получу работу своей мечты. Это шанс. Три месяца. Испытательный срок. Мне бы всё равно пришлось через это пройти. Какая разница, где?

– Ты меня уговариваешь или себя? – останавливается Ирка и смотрит на меня внимательно. – И честна ли ты сейчас? Перед собой – в первую очередь? Не питаешь ли ненужных надежд, Ань?

– Давай оставим эти провокационные вопросы из раздела психоанализа на потом, ладно? – раздражаюсь я и злюсь, что не могу остаться спокойной и прекрасной, деловой и разумной. Не перед Иркой. С ней такие номера не проходят.

– Ты ж бежала от Иванова, как заяц, трусливо поджав хвост и уши.

Опять заяц. Да что ж такое!

– Значит, не убежала! – развожу я руками.

Ирка задумывается, губу закусывает. Я так и вижу, как бегают и меняются местами её мысли. Она ещё тот стратег. Великая аферистка, что любит совмещать несовместимое и впиливать невпихуемое. Где-то там, за заднем фоне её муж развлекает племянников. Их тоже двое. Мальчик и девочка. Марик и Алька. Как с ними Трофим справляется – не знаю. Они тоже живчики, правда, до Ивановых им, как до Луны.

– А может, оно и к лучшему, Ань, – выдаёт она свой вердикт. – А то у тебя карма подпортилась явно, когда вы расстались. Сто лет в обед прошло, а порой мне кажется, ты так и не отошла от той истории. Пока то, сё, заодно и точки над «i» расставьте.

– Не хочу я никаких точек, – отвожу взгляд. Я устала, мне не до откровенностей.

– Ну, не хочешь точек, будут запятые, – хлопает себя по коленям Ирка.

– Вариковы, может, мы всё же поедим? – появляется в дверном проёме лицо Никитоса. Он же Трофим, он же Иркин муж – Никита Трофимов. – Дети голодные.

– Муж холодный, – язвит Ирка, а я отвожу взгляд. Иногда я не могу на них смотреть – такой любовью от этих двоих пышет.

Это не зависть. Ирке я не могу завидовать – только радоваться. Но и греться у чужого костра для меня мучительно больно порой. Особенно сейчас, когда свои реки повернулись вспять и по старым ранам прошлись.

Мы вместе ужинаем, ещё о чём-то говорим, но под конец семейного вечера я тупо выпадаю из пространства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.